

Саша Ольгин

ЖЕЛЕЗЯКА

ПОВОРОТ СУДЬБЫ

Книга первая

Саша Ольгин

**Железяка. Поворот судьбы.
Книга первая**

«Издательские решения»

Ольгин С.

Железяка. Поворот судьбы. Книга первая / С. Ольгин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933315-5

Не пытайтесь загадывать на далёкое будущее, тем более что и близкое готово преподнести немало неожиданных сюрпризов, способных перевернуть всю вашу жизнь. Подтверждением тому является эта история, случившаяся с обыкновенным питерским парнем, волею обстоятельств попавшим в неизведанный мир, наполненный магией. Сможет ли он выжить, не имея никаких способностей к магии, со своим, порой, довольно скверным характером, со своеобразным чувством юмора, без друзей, без гроша в кармане?

ISBN 978-5-44-933315-5

© Ольгин С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	17
3	33
4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Железяка. Поворот судьбы

Книга первая

Саша Ольгин

© Саша Ольгин, 2018

ISBN 978-5-4493-3315-5 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-3317-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Неисповедимы пути господни, гласит народная мудрость. Потому не пытайтесь загадывать на далёкое будущее, тем более что и близкое готово преподнести немало неожиданных сюрпризов, способных перевернуть всю вашу жизнь. Подтверждением тому является эта история, случившаяся с обыкновенным питерским парнем, волею обстоятельств попавшим в неизведанный мир наполненный магией. Сможет ли он выжить, не обладая никакими необходимыми навыками, не имея никаких способностей к магии, со своим порой довольно скверным характером, со своеобразным чувством юмора, без друзей, без поддержки, без гроша в кармане в этом совсем непростом мире? Да сможет, если будет отчаянно бороться за свою жизнь, ставя её превыше всего на свете. Главное в этой битве за выживание суметь сохранить в себе человека, пребывая на грани жизни и смерти, среди глобальных интриг и опасностей. А если тебе ещё удастся продвигаться вверх и тянуть за собой приобретённых друзей, то иначе как чудом это не назовёшь. Вот об этом чуде и повествует история молодого человека, по прозвищу Железяка.

1

Ослепительная красота раннего утра очень быстро привела меня в состояние блаженства и спокойствия. В небе плыли легкие облака, окрашиваемые лучами восходящего солнца в радужные цвета. Радостно щебетали ранние птицы, заливая местность ничем неповторимыми, но очень приятными моему слуху звуками. Тихо шумел кустарник, растущий у воды, нежно бились о прибрежные камни волны довольно тёплого моря и, чуть слышно, шелестела листва близлежащего леса. В эти минуты в голове начали проплывать картины моего очень беспокойного и весьма насыщенного прошлого. Все что пришлось испытать и пережить в моей, вроде пока недолгой и в тоже время очень длинной жизни. Но попробую рассказать все по порядку, хотя поверить в мою историю человеку с нормальной психикой и ведущему вполне благопристойную жизнь, будет довольно тяжело. А ученые мужи, убежденные сединами, с лёгкой улыбкой на губах, посоветуют пройти курс психотерапии в известном всем заведении. Но, тем не менее, постараюсь, в меру своих скромных возможностей, передать вам историю своих необыкновенных приключений, которые пока и не думают заканчиваться.

Родился я в Санкт-Петербурге, хотя почти все свое детство провел в глухой деревне в Карелии, у своей бабашки, благодаря которой, у меня оказалась довольно романтическая натура. Она постоянно рассказывала занимательные истории о всевозможных сказочных странах, о добрых и злых волшебниках, колдунах, шаманах, и вообще о разных мистических существах, о которых ей якобы рассказывал дедушка, и при этом загадочно улыбалась, с любовью глядя мою голову. Иногда она говорила, что я очень на него похож и что часто способности и духовная внутренняя сущность передаются через поколения. И хотя для меня эти понятия, не имели ни какого смысла, я очень любил слушать рассказы о дедушке и о странах, в которых он якобы побывал. Это были добрые, безумно красивые и завораживающие сказки, в которые я искренне верил. По крайней мере, хотел там оказаться в своих мечтах, считая, что загадочные волшебники существуют на самом деле. Разубеждать меня в этом никто не пытался, как и в Деда Мороза, мотивируя, что вера во все эти сказочные истории идёт только на пользу детской несформировавшейся психике и благотворно влияет на чистую юную душу. И вообще, любые мечты в таком возрасте, способствуют правильному развитию. Дедушку я никогда не видел, впрочем, как и мой отец, он погиб при загадочных обстоятельствах еще до рождения своего сына и бабушка никогда нам об этом не рассказывала, всегда отделялась общими фразами, говоря, что сама многого не знает и не понимает, и вообще дед был не от мира сего. После чего у нее наворачивались слёзы, и она тихо уходила на скамейку во дворе и долго смотрела на озеро, думая о чем-то своем.

Рос я довольно крепким пацаном, которому трудно усидеть на одном месте, но и особых проблем своим близким не доставлял. Родители часто ездили в командировки, и я много времени был предоставлен сам себе. Соседку, которую родители просили за мной присматривать, можно в расчет не брать. Обычно её функции ограничивались приготовлением пищи на неделю, да проследить, чтоб под рукой всегда была чистая одежда. Тем более что её сын, хоть и был на год старше меня, но был со мной дружен и мы часто играли на улице вместе с другими ребятами. Во дворе мне дали кличку «Железный», за то, что на мне всё заживало как на собаке, и после потасовок, которые часто встречаются в подростковом возрасте, из всех участвующих, я выходил с наименьшими украшениями на теле и на лице. Может в этом была виновата какая-то необъяснимая везучесть, или просто странные особенности моего организма, никто не знал, да и не задумывался об этом – железяка короче. В школе дела у меня шли как у обычного среднестатистического учащегося. И хотя мне прочили блестящую учебу, благодаря незаурядной памяти и той легкости, с которой я усваивал изучаемый материал, но моя полная безалаберность и постоянные прогулы, которые начались в старших классах, сводили на нет все чаяния

моих родителей и учителей. В итоге средний бал у меня был твердой четверкой, а по литературе был поставлен железный тройка за ссору с учительницей, которая будучи рьяной коммунисткой, не могла смириться с тем, что я назвал Павлика Морозова нехорошим человеком, предавшим самых близких ему людей – его родных. Как я пояснил, любовь к Родине, к своей стране и его народу, начинается с любви к своей матери и к близким людям. А если раздумывать хорошие твои родственники или нет, то точно также начнёшь раздумывать хорошая твоя страна или нет, и точно также можешь предать и её. А свою страну предавать нельзя, попытаться изменить – пожалуйста, а предавать нет. И хотя это было в младших классах, злобу, затаившую на меня, она сохранила до самого окончания моей школьной учёбы, и ни какие уговоры и просьбы моих родителей и некоторых учителей не смогли изменить её мнение. Да и мне, если честно, было это по барабану, поскольку, к великому огорчению своих близких, я так и не определился чего я хочу делать после окончания школы. На призывы отца, закончить престижный ВУЗ и получить высокооплачиваемую и интересную профессию – я смотрел сквозь пальцы, да и давить на меня в этом возрасте было уже бесполезно. Как говорила бабушка – пороть надо, когда лежит поперек кровати, потом поздно. Хотя она сама и не разрешала оказывать на меня какое либо физическое воздействие, что ей в дальнейшем и ставили в укор мои родители.

Тем не менее, в институт я поступил без проблем. Сказалось мое умение быстро схватывать нужный материал, и подготовка, занявшая около недели, помогла свободно пройти по конкурсу. Выбор учебного заведения был случайным, точнее пошел я в него за компанию со своими приятелями, которые поступали в Кораблестроительный институт, чтобы продолжить династию своих родителей, а также, чтоб откосить от армии, поскольку там была военная кафедра. Так я и оказался учащимся на кафедре по изучению ядерных энергетических судовых установок, хотя мои родители были геологами и очень хотели чтобы я пошел по их стопам (знать бы свою судьбу – обязательно бы их послушался). Учёба проходила по сценарию школьной, также безалаберно и с многочисленными прогулами, и только благодаря хорошей памяти и общительному характеру я не только переходил на следующий курс, но даже умудрялся получать стипендию, хотя больше половины абитуриентов вылетело ещё до начала четвёртого курса. Совсем неплохо в этом мне помогала моя физическая форма. Я участвовал почти во всех спортивных соревнованиях, проходивших среди ВУЗов, причём вполне достойно. И только мое не желание профессионально заняться тем или иным видом спорта не позволило мне приобрести статус мастера спорта и стать полноценным спортсменом. Тем не менее, серьёзная поддержка от преподавателей по физической культуре, в виде получения всевозможных зачётов и снисхождения на экзаменах мне была обеспечена. Я не был закоренелым лентяем, как вы могли подумать, просто я не мог найти применение своим умениям, пристрастиям, желаниям наконец (хотя по поводу желаний – я сам не знал чего хотел). А так, в остальном, я был довольно активным студентом. Все вечеринки, турпоходы, пикники и прочие радости студенческой жизни, почти никогда не обходились без меня. Точнее я был одним из активных организаторов всевозможных вне учебных мероприятий, которые в большинстве своем заканчивались хорошей и безобидной попойкой, весельем и небольшой головной болью с утра от бурно проведённого вечера и от старания вспомнить, что за девушка лежит рядом с тобой в кровати – короче всё как у нормальных студентов. Конечно, можно вспомнить много весёлых и занимательных историй из студенческой жизни, но они не имеют никакого отношения к тому, что случилось со мной в дальнейшем, потому я их попросту опущу. В конечном итоге, я дотянул до пятого курса, на котором уже выдавали темы для дипломной работы, которая у меня звучала следующим образом: «Ядерные энергетические установки многоцелевых подводных лодок с повышенной глубиной погружения». Тема была закрытая и писали мы диплом в специально отведенном помещении, что создавало свои неудобства, поскольку, скачать с интернета материал, не было никакой возможности и приходилось учить всякие периоды полураспада всевозможных элементов и рассчитывать прочность реактора на давление

от теплоносителя на тяжёлой воде. Говорю я это Вам для того, что бы вы поняли уровень моих знаний и пригодность их к повседневной жизни. Проще говоря, для обычной повседневной жизни, эти знания были нужны как собаке пятая нога.

На каникулах я постоянно приезжал к бабушке и часто приглашал с собой своих друзей, тем более что она всегда была рада таким гостям. Грибы и рыбалка нравятся всем, поэтому желающих поехать со мной всегда было много, но я старался брать только относительно спокойных ребят, чтоб не шокировать своих близких шумными пьянками и девичьими весёлыми криками. Одним из таких «ботаников» был Костя Шаманов. Толи благодаря своей фамилии или просто пристрастию, он был любитель читать и собирать сведения о всяких магических штучках, включая истории об НЛО, древних Майя, пропавшей Атлантиды и вообще о всяких чёрных, белых колдунах, всевозможных чукотских и индейских шаманах и прочей живности на подобию Йети. Относились мы к этому со смешками и улыбками, впрочем, не злобными, так как человек он был интересный, хоть порой и изрядный зануда. Шаман, как мы прозвали Костю, очень любил слушать сказочные рассказы моей бабушки, впрочем, как и все, и был любителем повертеть в руках всякие ненужные медальоны и амулеты которые в беспорядке валялись на чердаке старого дома. В детстве я тоже играл с ними вместе с ребятами, но это быстро прошло, машинки и всякие модели были нам гораздо интереснее. И однажды, вертя в руках деревянный кругляк с вырезанными на нем совершенно ни на что не похожими знаками, Костик, непонятно как, умудрился разложить его. Получился веер, разделённый на пять совершенно одинаковых плоских диска, с мелкими значками на них. На вопрос, что это за штучковина – никто ответа не знал. Бабуля только вспомнила, что мой дед, называл его амулетом Гуарда, по преданию, необходимый для совершенствования боевых навыков для магов и воинов. Вполне безопасный при правильном применении, но очень неприятный по ощущениям, хотя возможно, что она может ошибаться. Мой дед редко посвящал её в какие-либо детали, под предлогом что ни ей, ни кому-либо другому в этом мире, это не понадобится. Естественно Костик не мог пройти мимо такой находки, и, видя его фанатичное лицо и загоревшиеся азартом глаза, бабушка разрешила взять его к себе домой. Правда, с условием возврата его обратно в целости и сохранности, так как это память о ее муже и моем дедушке. Она кстати так и не вышла в очередной раз замуж, хотя предложений было думаю много, как никак, а женщиной она была довольно интересной, если не сказать шикарной. Но видимо она любила его даже сейчас, после того, как прошло почти пять десятков лет, и никого больше не хотела допускать к своему сердцу.

Наверное, надо немного рассказать о моих родителях, чтоб вы не подумали, что у меня с ними могут быть какие-то натянутые отношения, что в корне неверно. Они очень хорошие, любящие меня, хотя и не всегда могли уделять мне много времени. Папа, хоть и вырос без отца (моего деда), тем не менее, привил мне все необходимые общепринятые правила для нормальных, адекватных мужчин. В том числе и в отношении к женщине, к друзьям и врагам, в отношении к своему слову и к своим обязанностям. Мама приобщила меня к музыке и к искусству. И пусть я не могу сказать, что пылаю любовью к театрам и выставкам, но и профаном в этом деле не выгляжу. Даже сам могу чуток сыграть не только на гитаре, но и на фортепьяно, да и рисунки у меня получаются вполне узнаваемые, если уж рисую кошку или лошадь, то они и получаются, а не сороконожки какие-нибудь. Так что вырос я хоть и балагуром, но вполне светским, можно сказать даже интеллигентным человеком, даже крепким русским словом выражался очень редко, тока тогда, когда требовалось по закону жанра. Но хоть мои родители и принимали непосредственное участие в моем воспитании и в формировании моего внутреннего мира, к случившемуся в дальнейшем это имеет только косвенное отношение. Так что больше о них говорить не буду, хотя очень их уважаю и люблю. Дай бог им здоровья и долгих лет жизни.

Жизнь продолжалась своим чередом. Вполне однообразные, хотя нельзя сказать что серые и скучные, будни летели день за днём. И ни что не предвещало стремительных и бурных событий, в корне изменивших не только мою жизнь, но и отношение к ней. Постараюсь кратко рассказать о последних событиях, предшествующих безумному изменению моей дальнейшей судьбы. Хотя сам вспоминаю эти часы как в тумане, и многие факты, сопутствующие этому, до сих пор трудно связать между собой, по причине того, что узнать и проанализировать всё на месте, у меня просто не было возможности, и о многом из моего рассказа приходилось догадываться вдалеке от этих мест.

Проснувшись утром, в день Святого Валентина, понял, что желание идти на лекции отсутствует полностью, тем более что на вечер была запланирована большая весёлая вечеринка. Ополоснувшись в душе, зашёл на кухню и увидел, что кофе нет никакого, ни заварного, ни растворимого, что меня немного расстроило, так как за многие годы у меня выработалась устойчивая привычка по утрам принимать этот божественный напиток. Бежать с утра в магазин не хотелось абсолютно, и решил зайти к Костику, благо он жил в соседней парадной. Прихватив остатки пирожных, так как с пустыми руками было вроде неудобно, завалился к нему.

– Привет Шаман, кофейком угостишь! – сказал я с порога, глядя на заспанную физиономию друга.

– И тебе не хворать, Железяка! Чего в такую рань? – пробурчал он, пропуская меня в квартиру.

– Да соскучился сильно. Вот и решил заглянуть.

– Да не ври уж. Опять дома хоть шаром покати, наверное?

– Обижаешь! Я даже тебе прихватил сладостей. – Надо заметить, костя был неисправимым сладкоежкой, но при этом был довольно худым и мы часто подшучивали по этому поводу в стиле – не в коня корм. Но на такие шутки он никогда не обижался, впрочем, как и на другие, и даже на «Ботаника» или «Чокнутого мистика» он никогда не хмурился. Впрочем, что касалось мистики, он точно был чокнутый.

– Ну, тогда будь как дома! Я пока душ приму! – сказал он, удаляясь в ванную комнату.

Кофе у него был отвратительным – пакетики три в одном. Но как говорить – на безрыбье и рак рыба. Засыпав два пакета в чашку и расположившись в кресле у журнального столика, заваленного всяким хламом с вырезками из статей, посвященных древним цивилизациям, стал ждать приятеля, кривясь от количества сахара в порции кофе. Пирожные точно уже не полезут.

– Железяка! Я кстати почти расшифровал надписи на том амулете, который забрал осенью у твоей бабули! – выпалил он, входя в комнату.

Прозвище «Железяка» закрепилась за мной и в институте, отчасти благодаря железному здоровью, отчасти благодаря моей фамилии. Фамилия у меня Железнов, а зовут Андрей. Андреем меня звали только взрослые, а так постоянно или Дрон, или Железяка. И то и другое я воспринимал как должное, да и привык уже за долгие годы.

– Ну вот! Не прошло и полгода, и ты, наконец, смог разобрать пару буквочек! – без злобы съязвил я.

– Ты ничего не понимаешь! Эти письмена являются как бы прародителями египетских иероглифов и письменности древних Майя! Используя символы и тех, и других я грубо набросал возможный текст!

– И чё? Узнал, где сокровища зарыты? – продолжал шутить я.

– Дурак ты Дрон, и не лечишься! – с легкой обидой в голосе сказал Костя.

– Ладно, извини! – сказал я примирительно, легче было его выслушать, чем уйти от темы так его интересовавшей: – Ну и о чем там пишут? Расскажешь, надеюсь?

– Я пока не всё разобрал, но вроде тут говорить о возможности попасть в мир, где никогда не умрёшь, и где со

браны почти все магические существа из многих миров. Тока не пойму, почему там стоит символ смерти, если сказано, что нельзя умереть. И еще символ «Зло» стоит, хотя вроде говорится, что мир помогает приобрести какие-то навыки, полезные причём. А раз приобретаешь что-то полезное – причём тут зло!

– Не парься Костя! Все одно туда не попадешь, так чего зря голову забивать всякой фигнёй!

– Зря ты ни во что не веришь Дрон. Многие специалисты говорят о множестве миров, и фактов приводят целую кучу.

– Специалисты это типа тебя и всяких чокнутых, которые до сих пор за Йети гоняются, да инопланетян встречают? – опять съязвил я, так как если его не остановить, то он заболтает тебя до смерти. А мне ещё сегодня на классную вечеринку топать.

– А как же заговоры? Вон твоя бабка боль зубную снимает – обезболивающие таблетки рядом не стояли!

– Так, то зубы, а ты про миры всякие! – высказал я свои сомнения.

– Ну не скажи! Это тоже магическое воздействие! А раз можно этим лечить, то где-то могут и горы сворачивать! Вон пишут, что шаманы могли вообще видеть будущее!

– Ты еще Нострадамуса вспомни! – пытался возразить я, но спорить с Костей о магии было делом неблагодарным и бесполезным: – Короче, в чем суть этой деревяшки?

– Ну, во-первых это не деревяшка! Точнее вроде дерево, но странное очень. Сам глянь. Амулету много лет, а он как новый, да и не царапается вроде. Твёрдый, как железо и лёгкий, как дерево. А что касается сути этой, как ты говоришь, деревяшки, то вроде нужно зажать её в руке и прочитать заклинание, вырезанное на последнем сегменте. Только потом опять стоит символ смерти или крови, просто близкие по виду символы у египтян – смерть, а у Майя – кровь!

– Ну и как? Пробовал уже попасть туда? Или меня ждал? – разговор явно начал меня доставать.

– Конечно, пробовал, только пока естественно не получается. Первый блин всегда комом. Да это и не блины спечь —

тут надо годами исследовать! – немного огорчённо сказал Костя. – Слушай, а давай ты попробуй, а я со стороны гляну, может, замечу что-нибудь. Со стороны всегда виднее. Пожалуйста!

– Да ты смотрю, совсем с катушек съехал! Хочешь и из меня придурка сделать! – ляпнул я это явно не подумавши, так как Костик собирался обидеться, и чтоб сгладить ситуацию, добавил примирительно: – Ладно! Чёрт с тобой, сделаю! Но тока чтоб никому не говорил!

– Вот и хорошо! – быстро отошел он: – Вот текст. Тут немного совсем. Взяв в руки листок бумаги с непонятными закорючками и с русской транскрипцией внизу, я в ожидании посмотрел на Костю, он как раз пихал мне в руку амулет.

– Ну что можно начинать? – с уже не скрываемым чувством досады спросил я, и получив утвердительный кивок, начал читать дребедень с взятого мною листка: – Чупора навами барлинам, Виса варам кунси, Силистарон маурони, Гуард наро.

Естественно как я стоял в центре комнаты, так и остался стоять. На что с ехидной улыбкой намекнул Костику, возвращая ему круглый диск, названный им амулетом.

– Из всего этого, только слово Гуард где-то слышал! – сказал я, вложив в его руки объект изучения.

– Гуард наро – это что-то типа Гуард повелевает. Слушай, а может, крови капнем чуток? – заявил он без всякого перехода и глядя на меня с просительным видом. Но видя мою перекошенную физиономию, поспешно ретировался на кухню за пирожными.

Поболтав ещё где-то с полчаса о мелких студенческих проблемах и просто о нашей текущей жизни, я всё-таки решил сходить в магазин и прикупить заварного кофе и сладости (вдруг с вечеринки вернусь не один).

Да и прибраться в квартире не мешало бы, ведь когда приводишь девушку в чистую комнату, то она в чистоте чувствует себя гораздо увереннее, если конечно она нормальная девица. Впрочем, с другими я и не знакомился.

Как обычно, день Святого Валентина мы отмечали большой компанией, практически полным составом нашей группы, плюс близкие подруги и друзья наших однокашников. Собирались в одном вполне приличном, хотя и не в элитном, ночном клубе. Контингент – такие же молодые люди, как и мы. Светских львиц и других публичных личностей в нём не было, но и откровенных гопников и просто придурков охрана старалась не пускать. Худо-бедно, но фейс-контроль здесь присутствовал, и потому посетители могли не опасаться пьяных дебошей и серьёзных потасовок, хотя по мелочам бывало всякое. Вечер проходил по давно отработанной схеме, легкая выпивка, танцы, весёлые безобидные шутки и естественно новые знакомства, у тех, кто пришел без своих подруг или бой-френда. Компания наша была довольно разношёрстной. Здесь был и Костя – худощавый со смешной оправой на носу, и Толик – весом под 100 килограмм, и очень похожие друг на друга Ленка с Маринкой с внешностью фотомоделей. До сих пор никто не может понять, как их занесло в корабелы да ещё на ядерный факультет. Да и у остальных людей из нашей компании был свой характер и своя манера одеваться. Тем не менее, это была дружная компания, хоть и выглядели мы со стороны пестрым пятном. Где-то около двух часов ночи вечеринка была в самом разгаре. Вся компания была уже разогрета обилием выпитого лёгкого спиртного (пили в основном шампанское с фруктами и коктейли). Непринуждённая, весёлая и дружественная обстановка способствовала новым знакомствам и наш столик заметно пополнился. Рядом со мной сидела симпатичная девушка и задорно смеялась над шутками, которые сплошным потоком выдавала мужская часть нашей компании. С ней я надеялся связать свои планы, как минимум, на ближайший день. Подойдя к бармену, в надежде угостить мою новую знакомую хорошим коктейлем, чтоб закрепить наше вполне приятное знакомство, я заметил его кислую физиономию, что никак не вписывалась в этот весёлый праздник.

– Витёк! Ты чего такой кислый? Народу куча, пьют много, радоваться должен! – решив я поднять ему настроение с улыбкой на лице.

– Да вон козлы достали! – показав взглядом на компанию изрядно выпивших двух парней, ответил он: – Нажрались и достают, придурки! Это им не то, да то им не этак!

– Так скажи охране – пусть выведут. Проветрятся на воздухе, глядишь, подороже станут.

– Да вроде у них родители крутые шишки во властных структурах. Никто не хочет с ними связываться, дерьма потом наберётся, не отмыться будет!

– И чё они тут делают, вроде такие персоны другие клубы выбирают?

– Фиг знает! Занесла видно нелёгкая. Быстрее бы нажрались до одурения, да слиняли отсюда!

– Ну ладно! Удачи тебе! И не грусти. Если на всех уроков обращать внимание – то легче повеситься будет!

Взяв заказанные коктейли, я вернулся к столу, к сожалению обнаружив, что он почти пустой – все пошли танцевать под зажигательную композицию местного ди-джея. Сидевший рядом Толик предложил проветриться в холле и покурить заодно. Я хоть и не был заядлым курильщиком, но на вечеринках мог себе позволить пару-тройку сигарет, потому согласился, тем более искать в толпе танцующих нашу компанию не было никакой возможности. Сидя на уютном диванчике, потягивая сигареты и с юмором обсуждая наших новых знакомых, мы не сразу заметили шумное сборище в углу около туалетов.

– Дрон, Толик! Помогите! – раздавшийся крик прервал наше с Толиком обсуждения прелестей фигур наших новых знакомых.

Обернувшись, мы увидели, как наших Ленку с Маринкой в грубой форме тащат два негодяя, на которых недавно кивал Витька бармен. Сопrotивляясь, одна из девушек, вроде

Маринка, полоснула одного из них ногтями по пьяной роже, за что получила в ответ увесистый удар по лицу.

– Ах ты, шлюха уродливая! – прокричал тип, который получил неглубокую царапину и ударивший нашу девушку: – Ты ответишь, сука, за все!

Конечно, Маринке с Ленкой было далеко до матери Терезы, но шлюхами они точно не были, тем более уродливыми.

И такое отношение к ним вызвало у нас чувство справедливого гнева и желание в срочном порядке осадить зарвавшихся ублюдков. Тем более, что бить наших девушек мы не позволим никому. Резко подскочив к ним, мы, двинув им по роже, стали успокаивать зарёванных девчонок, наблюдая одним глазом за поднимающейся парочкой.

– Уроды! Вы на кого руку подняли! – прошипел один из типов, который был немного трезвее второго: – Да вы сгниете в тюрьге! Да мне тока позвонить, и вы пожалеете, что на свет родились! Да вы знаете, кто у меня родители!

– Во-первых, уроды – это вы! И мне по барабану кто у тебя отец! Будь он хоть папа римский – нечего наших девушек трогать! – прокричал я со злостью, кипевшей в груди.

Стоит отметить, что не все дети крупных чиновников были избалованы до безобразия. У меня было много знакомых, у которых родители были весьма большими шишками, но, тем не менее, их дети были вполне адекватными людьми, некоторые даже стеснялись упоминать родичей. Но эти двое были явно не той категории. Избалованные, считающие себя центром мироздания и думающие что все вертится вокруг них, мерзкие и привыкшие к безнаказанности, они, похоже, потеряли чувство реальности и опять полезли к нам. После того как они опять оказались на полу, один из них, с трудом поднявшись, выхватил травматический пистолет и почти в упор выстрелил Толику в голову. Толик присел, держась за лицо и между пальцев начала просачиваться кровь. Неадекватный урод начал направлять оружие на меня, но выстрелить в этот раз не успел. Со всей дури, на которую был способен в данной стрессовой ситуации, я двинул ему в челюсть. Еще в полёте, наверное, он потерял сознание, и, приземлившись, по инерции стукнулся виском об угол деревянной тумбы, служившей подставкой для цветов. Прибежавшие охранники обнаружили два тела в крови на полу, к счастью пока живые, хотя одно было без сознания. Подбежавший бармен тихо дернул меня за рукав и посоветовал срочно слинять от греха подальше, мотивируя, что пока приедет скорая, пока они оклемаются, глядишь и все устаканится потихоньку. А сейчас, мол, можно попасть под раздачу не за что. Я посмотрел на Толика, он сидел на стуле и пытался вытереть кровь, сочащуюся из брови. Счастье что выстрел угодил ему чуть выше глаза, крови много, но сама рана не страшная, заживет быстро. И после того как он махнул мне рукой, мол давай уходи, я неспеша покинул клуб.

Идя пешком в сторону дома, чувствовал, что происходит что-то не то. Чувство грозящей опасности так и перехлестывала через край. Кстати эта необъяснимая способность своей задницей чувствовать опасность и неприятности, часто выручала меня при сложных ситуациях. Но в данный момент я просто не знал что делать и тупо шел пешком в сторону дома, пытаюсь проанализировать случившееся. Костик шел со мной рядом, благо живем недалеко друг от друга. У него, кстати, хватило ума не лезть ко мне в душу, пытаюсь подбодрить или отвлечь, за что я ему был благодарен. Так молча мы и добрались до дома. Спать не хотелось, и всю оставшуюся ночь и утро я просто пролежал на диване, гадая, чем закончиться так хорошо начавшаяся вечеринка. Но дальнейшее было еще хуже, чем можно было предположить даже при пессимистическом прогнозе.

Где-то около десяти часов утра раздался телефонный звонок. Подняв трубку, я услышал взволнованный голос Толика.

– Дрон! Катастрофа! – услышал я в трубке полный отчаяния голос.

– Что случилось? Ранение оказалось тяжелым и с тобой что-то не в порядке? – мой голос тоже начал дрожать от волнения.

– Нет, всё гораздо хуже! Тот тип, которого ты ударил, скончался, не приходя в сознание. Сейчас ко мне в палату должны прийти следователи. Я не знаю что делать! От этого сообщения я впал в ступор. За всю свою жизнь я не нанес никому ни одной серьёзной травмы, хотя довольно часто бывал в различных потасовках. Максимум обходилось разбитым носом да синяками, и представить себя в качестве убийцы я просто не мог. Хоть и говорят, что от суммы и от тюрьмы не зарекайся, но примерить эту народную мудрость на себе, разум просто отказывался.

– Аллю! Железяка, ты меня слышишь? Что мне говорить следователям?

– А что ты можешь сказать? Говори как есть! Тем более в холле камеры стояли, так что все и так узнают, как всё было, и враньё только повредит и мне и тебе! – ответил я после недолгого раздумья и повесил трубку.

Да и что я мог еще сказать. Странно, что я вообще смог хоть что-то ответить. Голова раскалывалась, как будто в неё забивали здоровенные гвозди. Мысли были перепутаны до такой степени, что даже на вопрос как тебя зовут, я не способен был дать простой ответ, а уж продумать свои дальнейшие действия и подавно. Как во сне я прошел на кухню и, увидев на столе бутылку рома «Бокарди», приготовленную для коктейлей, машинально налил себе полный стакан и стал потихоньку потягивать его как чистую воду. Сколько я пробыл в таком состоянии – не помню, но потихоньку ко мне всё-таки начала возвращаться способность думать. Я хоть и не учился на юридическом факультете, но самые азы законов знал. По идее, мне могли предъявить неумышленное убийство, в худшем случае, умышленное нанесение тяжких травм приведших к смерти потерпевшего. В первом варианте можно отделаться условным сроком. Со вторым немного сложнее, но надо будет проконсультироваться с адвокатом. С хорошим и опытным, думаю, отделаюсь небольшим сроком. С этой мыслью решил сам пойти сдаваться, предварительно заскочив в адвокатскую контору. Но видно судьба не только повернулась ко мне не тем местом, а вообще решила надо мной основательно поиздеваться.

Только закончил приводить себя в порядок, сполоснувшись в душе и тщательно побрившись, как раздался стук в дверь. Удивляясь, почему стучат, если звонок есть, пошёл открывать. Не успев полностью открыть дверь, как получил сильнейший удар ногой, и пока пытался понять, что происходит, коридор заполнили люди в милицейской форме и грубо затащили меня в комнату.

– Ну что гадёныш? Спрятаться захотел? От нас не спрячешься! – проревел старший из них.

– Да нет! Не прятался! Сам к вам идти собирался! – ответил я, и тут же получил удар по почкам. – Смотри что запел! Наверное, обделался со страху! – сказал тот же тип своим коллегам, и те злорадно заржали.

– Слушайте! Пришли арестовывать, так я ж не против! Зачем зря руки распускать? Вроде сопротивления я не оказываю! – попытался образумить я сотрудников, но, к сожалению, сказанное мною только раззадорило их.

– Ты смотри, какой умник выискался! Учить нас вздумал? Да кто тут увидит, оказываешь ты нам сопротивление или нет! А папаша убитого тобой, только спасибо нам скажет за то, что мы чуток тебе морду разукрасим! Глядишь, ещё благодарность в добавок объявит!

И меня начали методично избивать, чего со мной до этого просто никогда не было. Конечно, в потасовках я бывал и довольно часто, но чтоб вот так, просто били и ты не можешь ответить – впервые. Били довольно сильно, и хоть я, благодаря своему организму, всегда переносил любые повреждения своего тела значительно легче других (не зря прозвали «Железякой»), тело ныло неимоверно, и боль была не шуточной. И когда один из избивавших захотел ударить меня между ног, я, скорее всего, чисто рефлекторно, резко разогнув ноги, ударил его в живот. Не ожидавший от меня таких действий сотрудник, взмахнув руками, как кукла грохнулся на спину, причем головой приложился об батарею и тут же вырубился. На короткое

время, остальные садисты в пагонах выпали в ступор, видимо не привыкли получать отпор от жертвы издевательств. Но в следующее мгновение, с озверевшими лицами, и с пылающей в глазах злобой, начали хвататься за оружие. Я, основываясь на инстинктах самосохранения, не раздумывая бросился бежать. Распахнув ногой входную дверь, своей пятой точкой почувствовал, что сейчас будут стрелять, и бросился на землю. Пули, благодаря моему броску, к счастью прошли мимо, но к несчастью на площадке стоял еще один милиционер, видимо оставленный там на случай моего бегства, и всё предназначенное мне он схватил сполна, после чего медленно начал оседать на пол.

Как я оказался в квартире у Кости не помню абсолютно, да и почему побежал именно к нему объяснить так и не могу. Тем не менее, я сидел у него в комнате с отрешённым видом, невпопад отвечая на его вопросы. Всё тело пронизывала мелкая дрожь, окружающие предметы виделись мне как сквозь туманную дымку, да и самого Костика я воспринимал как эфемерное существо. Как он смог хоть что-то уловить из моего невнятного бормотания не знаю, но уловив основную суть, он вышел на улицу узнать подробности. Перед уходом он, предварительно налив мне кофе и плеснув туда изрядную долю коньяка, строго-настрого запретил выходить куда-либо из комнаты. Через какое-то время, когда руки перестали дрожать и мой взгляд начал принимать осмысленное выражение, раздался телефонный звонок. Подняв трубку, я услышал взволнованный голос Кости.

– Андрей! Что у тебя произошло на самом деле?

– Да я вроде тебе рассказывал. Начали бить, я испугался и убежал. Как пришел к тебе не помню!

– Дрон! Я зашел к своему знакомому, он в местном УВД работает, так он мне ориентировку показал на тебя. Если вкратце, то разыскивается особо опасный преступник, лидер местной ОПГ, Железнов Андрей Александрович. Кличка «Железяка». Подозревается в совершении тяжких преступлений. Вооружен и очень опасен. При попытке захвата застрелил одного и тяжело ранил второго сотрудника уголовного розыска, который получил тяжёлую черепно-мозговую травму.

Если сказать что я был ошарашен, значит не выразить и малую толику того состояния в котором я находился. Казалось, что весь мир поплыл у меня перед глазами. Как такое могло случиться, что вполне пристойный и законопослушный гражданин, в лице студента пятого курса, вдруг за один день стал опасным преступником, и с преступлениями, тянувшими по совокупности на пожизненное. И если происшествие в клубе можно было бы, при наличии хорошего адвоката, представить фатальным стечением обстоятельств, тем более было множество свидетелей и записи видеокамер, то как доказать отсутствие злых намерений в квартире, хотя бы то что не я виновен в смерти сотрудника на лестничной площадке. По определению, моё слово – пустой звук по отношению к тому, что будут говорить садисты в пагонах. А в том, что в их версии произошедшего я буду выглядеть ищадием ада, я несколько не сомневался. Выхода из данной ситуации я не видел абсолютно никакого. Бежать без оглядки, но куда бежать – и некуда и бесполезно. Нет на земле места, где бы меня могли приютить и куда бы, не добрались силовые структуры. При всех многочисленных пороках, существовавших в правоохранительных органах, когда требовала необходимость, они могли и умели эффективно действовать. Но и оставаться в квартире тоже не было никакого резона. Во-первых, нельзя подставлять Костика, а то ему еще припишут соучастие, со всеми вытекающими из этого последствиями. А во-вторых, ждать пока тебя задержат, и потом, если останусь живым, всю оставшуюся жизнь провести в аду, с вечными издевательствами – ну уж нет, по телевизору посмотрелся, вполне достаточно, лучше уж сразу смерть. В итоге, с такими вот не радостными мыслями, стал неторопливо собираться, механически рассовывая по карманам свои нехитрые вещи. На глаза попался дедушкин амулет, как говорил Костя позволяющий попасть в мир, где нельзя умереть. Вот бы мне туда – подумал я с мечтой и сказочной надеждой, обречённо вздох-

нув. Там точно не найдут, и можно жить вечно. Не задумываясь, также машинально положил его в карман, пусть хоть какая-то память о близких будет. Накинув куртку, вышел на лестничную площадку, предварительно тихонько прикрыв дверь. Ну что ж, прощайте мои друзья, прощайте родные, прощай мой город и вообще прощай моя жизнь, подумал я и начал потихоньку спускаться вниз, поскольку спешить в данной ситуации было некуда.

Не успев преодолеть даже один пролет лестницы, услышал звук хлопнувшей внизу двери и топот ног в армейских ботинках.

– Внимание! Четвёртый этаж! Квартира двадцать четыре! Живым можно не брать! Мочите сразу, а то он уже двоих наших завалил! – случайно донёсся до меня отрывок разговора группы захвата.

«Вот и конец» – понял я, заметив поднимающихся по лестнице оперативников. И в этот момент настолько ярко вспыхнуло понимания того, что нет ничего лучше и прекраснее жизни, и нужно ценить каждое мгновение, дарованное создателем нашим детям своим грешным. Отбросив все сомнения, всю печаль, навалившуюся хандру и все негативные мысли, я бросился вверх по лестнице, стараясь из всех возможных сил, продлить хоть на мгновение, хоть на секунду богом дарованную мне жизнь.

Естественно, незамеченным мой маневр не остался, и с криком: «Вот он! Не дайте ему уйти!», за мной кинулись с оружием наперевес мои преследователи. Добежав до последнего этажа, дом был четырнадцати этажным, обнаружил, что дверь на чердак и крышу была закрыта на замок. В отчаянии рванув её так, что вырвал дужки вместе с шурупями, на которых висел амбарный замок. Не задумываясь, откуда взялось столько сил, наверное, от отчаяния, а может от желания жить, я в несколько прыжков оказался на крыше. Всё финиш! Добежался! Летать к великому сожалению я не мог и парашюта, как вы поняли, у меня тоже не было. В это время, преследующие меня опера, уже поднялись на крышу и, сверкая злобными и одновременно ехидными глазами, начали передёргивать затворы АКМ. Четырнадцатый этаж точечного дома. Интересно, сколько лететь до земли, три – четыре секунды. И это всё, что я мог урвать дополнительно в своей жизни. Да и черт с ним, я буду бороться за каждую секунду, а тут целых четыре. И больше не раздумывая, я бросился бежать к краю крыши, поразившись своему спокойствию. А чего нервничать? Поздно уже! Решение принято! Опешившие от моего манёвра преследователи, секунду были в замешательстве, а потом дружно нажали на свои курки. Уже оттолкнувшись от парапета, я почувствовал, как моё тело прошили очереди, выпущенные из автоматов. Боли я не чувствовал, всё перебивала одна мысль – прожить ещё хоть одну секунду, хоть лишнее мгновение. Уже в полёте я понял, что, наконец я свободен, больше никто и никогда не будет меня преследовать.

Говорят, что в такие мгновения перед тобой проходит вся твоя жизнь. Я могу это с полной достоверностью подтвердить.

Перед глазами действительно пролетела вся моя жизнь, начиная с такого мелкого возраста, что учёные мужи говорят о том, что такое никогда не запоминается. Чушь! Я вспомнил всё, что со мной происходило, как только мои глаза приобрели способность видеть, даже в перевёрнутом виде. Всех своих знакомых, даже случайных, о которых бы в обычной жизни и не вспомнил бы даже под гипнозом. Вкус всех блюд, которые удалось попробовать за свои двадцать три года, запах грудного молока моей матери, которым она кормила меня после рождения, даже, абсолютно идиотский в данной ситуации, юмористический рассказ одного из российских сатириков: «Пролетая мимо четвёртого этажа. . . .». Пролетал я, кстати, только восьмой этаж. Так что уважаемые доктора, профессора, академики и прочий научный люд, займитесь вы изучением такого феномена, как человеческий мозг, поверьте, мы о космосе знаем больше чем о нём. Те объёмы информации, которые он показывал мне в красках, не смогут обработать и все компьютеры мира вместе взятые. Естественно, среди этой информации, была и история с дедушкиным амулетом, лежавшим у меня во внутреннем кармане и основательно залитым

моей кровью, бьющей из пулевых отверстий калибра 7,62. Как хотелось бы оказаться в сказке, и попасть в чудесный мир, напоминающий рай и приносящий радость и спокойствие, где невозможно умереть. И всё чудесное время можно проводить в познании чего-то нового и неизведанного. Вспомнились и слова на бумажке, которую мне давал Костик, и я неосознанно, чисто машинально, мысленно начал их проговаривать. Сказка – это был последний призрачный шанс, который у меня оставался.

– Чупора навами барлинам, Виса варам кунси, Силистарон маурани, Гуард наро! – мысленно прокричал я и крепко закрыл глаза, пытаюсь остановить последнее мгновение моей короткой, но безумной желанной жизни.

2

Мгновение тянулось бесконечно. С крепко закрытыми глазами, я ждал встречи с матушкой нашей – с землёй. «Все мы в ней будем» – вспомнилось известное изречение, и хотелось только, что бы встреча эта не была болезненной и отвратительной. Мгновение всё тянулось и тянулось, и мозг отказывался воспринимать непонятную, длинную паузу между жизнью и смертью. Не знаю, сколько я пробыл с закрытыми глазами, но постепенно начал понимать нелепицу, творящуюся со мной. Попытался считать. Дойдя до ста, окончательно осознал, что такого просто не может быть. Решил открыть глаза, но это было непросто – дикий страх не позволял мне не только открыть хотя бы один глаз, но даже ослабить давление, с которыми они были сжаты. Казалось, что их свела судорога, и легче стронуть с места ворота Исаакиевского собора, чем сдвинуть веки хоть на один миллиметр. Сколько я пробыл в таком состоянии, не помню, чувство времени отсутствовало полностью, но, в конце концов, приложив невероятные усилия, мне удалось чуть приоткрыть окаменевшие глаза.

Я лежал на плоской каменной площадке, диаметром около десяти метров, с невысоким бортиком по краям. Камень был шершавым и тёплым, цветом, напоминавшим кофе со сливками, с какой-то еле заметной дымкой, заполнившей всё пространство между бортиками. На самих бортиках, по всей окружности были выбиты какие-то знаки или символы, отчасти напоминавшие находящиеся на амулете, отчасти совершенно незнакомые и непонятные. Окинув взглядом окрестности за пределами площадки, взору открылись невообразимые по своей красоте пейзажи. Поскольку место, где я находился, было на возвышенности, то и открывавшейся вид простирался на многие километры. Там можно было разглядеть и горы, окруженные густыми лесами, и долины с мелким кустарником, с фантастической для земного представления расцветкой. Вдали виднелись водопады, струящиеся с крутых горных обрывов, и болота, обладающие насыщенно изумрудным оттенком с фосфоресцирующими лиловым цветом кочками и, как мне показалось, даже что-то наподобие пустыни, странно отливающей золотом. Подняв голову, стал наблюдать за странными и очаровательными лунами в количестве трёх штук, видимых даже несмотря на стоявшее довольно высоко солнце, имеющее, кстати, то же довольно необычный чуть красноватый оттенок.

– Ну и где же я? И что вообще могло произойти? Это что – рай, сказка или бред? Есть здесь еще кто-то или нет? И, в конце концов, это явь или сон? – эти, и ещё тысячи вопросов, автоматически выстроились у меня в голове, и всё мое существо требовало немедленного ответа хотя бы на маленькую часть этих загадок. Попробовал себя ущипнуть. Ой! Было весьма ощутимо и даже немного больно, да и на руке след остался. Значит это все-таки не сон. Внимательно оглядев себя. Сразу же бросилось в глаза то, что куртка одетая на мне, стала напоминать решето, а тело, как я не старался его обследовать, не имело ни одной царапины, да и кровь была видна только на одежде, в виде засохших бурых пятен. Неужели я действительно попал в мир, где нельзя умереть и прекрасная сказка приобрела вполне реальные очертания. Во всяком случае, очень хотелось в это верить. А раз так, значит мой Ад, в который я попал на земле, закончился, и я впервые за долгое время улыбнулся. Боже всемогущий, как же я оказался не прав. Ад не кончился – он только набирал свою силу.

Началось с того, что солнце жарило невероятно, а поскольку укрыться от его палящих лучей на месте возможностей не было никаких, то пришлось в спешном порядке покидать загадочную площадку, надеясь укрыться в тени чудного близлежащего леса. Не пройдя и трети пути до цели, я вдруг почувствовал болезненный укус чуть выше лодыжки. «Что за чёрт?» – успел удивиться я, как заметил мелкую, почти сливающуюся с травой, змейку. Присмотревшись, обнаружил еще с десятков мелких тварей, ползущих в моем направлении. Укус. Ещё укус. Бросившись бежать, чувствовал как то в одну, то в другую ногу впивались мелкие отврати-

тельные зубы, приносившие нестерпимую боль. Тело начало схватывать судорогой и мой бег плавно перешел в жалкое подобие ползания по пластунский, да и то вскоре тело стало скрючиваться от адской боли и судороги, зрение и слух пропали и только ощущение ползающих по тебе мелких скользких гадов, было последним, что я чувствовал помимо боли. Сердце перестало биться, и я ощутил всеми фибрами своей души, как умираю в страшных муках.

Очнулся я опять на той же площадке, с так и не исчезнувшим чувством страшного ужаса. Сердце бешено колотилось, в висках пульсировала боль, но в целом тело чувствовало себя нормально, никаких судорог или других неприятных ощущений не было, даже наоборот, была какая-то легкость заново родившегося человека. И только память портила все хорошие ощущения, заставляя быстро биться сердце и ломить в висках. «Да что это за хрень такая?» – в страшной злобе прокричал я, обращаясь не понятно к кому, скорее всего к самому себе:

– «Так стоп! Надо успокоиться и попытаться понять что случилось». Присев на теплый камень, я опять начал внимательно себя осматривать. На лёгких хлопчатобумажных штанах обнаружил множество мелких прокусов, но тело при этом было гладкое, как у младенца. Голова начала кипеть от перенапряжения, но ничего путного в неё так и не приходило. Успокоившись на мысли, что я до сих пор живой и организм пребывает в хорошем состоянии, я начал внимательно оглядывать окрестности в надежде заметить, что ни будь, что могло ускользнуть от моего первого беглого осмотра. Как ни старался, ничего нового обнаружить не удалось. В округе, всё также, куда доставал взор, наблюдался восхитительный по красоте пейзаж. В небе, поражая воображение, висели три луны, переливаясь от чуть красноватого солнца всеми цветами радуги. Кстати о солнце, оно опять начало сильно припекать, и требовалось срочно что-то придумать, так как оставаться на солнцепёке с каждой минутой было всё труднее и труднее. Но что можно придумать на пустой каменной площадке, думаю, окажись тут знатоки из клуба «Что? Где? Когда?» в полном составе, и то сильно сомневаюсь, что они смогли бы найти нужный ответ. Хотя, может, и смогли бы. Но я, не полный состав клуба интеллектуалов, потому ничего путного, точнее вообще ничего, придумать не смог.

Жарило светило не по-детски. И на открытой площадке, да ещё на нагретых им камнях, я чувствовал себя как уж на сковородке, очень хреново себя чувствовал короче. Но пережитый накануне ужас, не позволял мне ступить за грань окружавшего меня бортика, за который, как оказалось в дальнейшем, не проникало ни одно живое существо, кроме меня. Во рту пересохло, страшно хотелось пить, лицо покрылось мелкими волдырями от солнечных ожогов, но я мужественно терпел, пытаюсь дырявой курточкой прикрыться от, ставшего мне ненавистным красноватого создания. А если быть честным, то мне просто не хватало этого самого мужества шагнуть за пределы проклятой мной площадки. Слишком яркими и свежими были воспоминания о прошедшей попытке. Не знаю точно, сколько часов прошло в моих мучениях, чувство времени отсутствовало напрочь, но солнце начало клониться к закату. Хоть во рту и пересохло до такой степени, что даже слюна уже давно не выделялась, и губы, от недостатка влаги, пошли трещинами, я был несказанно рад скрывающемуся за горизонтом красному исчадию ада. Как оказалось, зря я этому радовался. Ночь, если это можно было назвать ночью, была сродни ночам в Санкт-Петербурге в июне месяце, наверное, даже еще светлее, хотя и несколько необычнее. От трёх лун исходило довольно сильное, причем у каждой своё по оттенку, свечение, и от этого, казалось, что земля медленно переливается от сияния этих грандиозных спутников. Но не созерцание ночных светил, оно как раз было просто великолепно, а страшный холод нагрывуший вместе с уходом красного солнца, заставил меня пожалеть о смене дня и ночи, которое выражалось не столько понятиями светло – темно, сколько, более жуткими, с моей точки зрения, тепло – холодно. Если Вам, когда ни будь, удастся за короткий промежуток времени попасть из экваториальной Африки на Северный полюс и обратно, при этом оставаясь в одной и той же одежде, то вы, возможно, и сможете меня понять. Причём не пытайтесь сравнивать с входом и выходом из машины, с работающим кондиционером на свежий воздух,

поверьте это далеко не те ощущения. Да ещё и камни, казавшиеся при попадании сюда, такими теплыми и даже нежными, сейчас напоминали глыбы льда. Прикосновение к ним походило на прикосновение голого тела с замёрзшим железом в морозный день. Если у Вас хватит смелости или дурости, то попробуйте зимой лизнуть металл, думаю, после этого у Вас отпадет всякое желание надо мной смеяться. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, утро я встретил со скрюченными от холода пальцами, стучащими, как отбойный молоток, зубами и болью в груди, наверное, схватил как минимум двустороннее воспаление лёгких. И если бы не моя природная сопротивляемость к всевозможным болезням и суровым природным факторам, то, скорее всего, так и умер бы в скрюченной позе эмбриона. Оттаяв в лучах, опять полюбившегося мною, красноватого светила, я встал перед дилеммой, что делать дальше. Второго солнечного дня и, такой, хоть и по Питерски светлой, но ужасно морозной ночи, я точно не перенесу. Да и без воды я тоже долго не протяну, как не крути. В итоге жажда и мучения от начавших раскаляться камней, победили страх, и я вышел за пределы спасительного бортика, окружавшего моё местопребывание.

Стараясь двигаться быстро, но при этом и не спешить, я пристально вглядывался в траву находящуюся поблизости. И только увидев шевеление, вызываемое передвижением ползучих мелких гадов, сразу резко менял направление на противоположное, стараясь уйти от предполагаемой угрозы. К моей неопишуемой радости, данная тактика приносила успех, так как скорость передвижения мерзких тварей была значительно меньше моей, даже с учётом быстрого шага, а не бега. Главное было вовремя заметить сливающихся с травой змеек, что мне пока отлично удавалось. Преодолев таким образом большую часть дистанции, между лесом и каменной площадкой, я заметил довольно большую стайку больших бабочек, обладающих неповторимой расцветкой, грациозно кружившихся в воздухе, словно исполняя изумительный танец, под мелодию, создаваемую природой, и известную только им. Не забывая зорко глазеть по сторонам, чтобы избежать встречи с зелёными гадами, я невольно залюбовался этим зрелищем. Как вдруг, словно по команде, эти очаровательные создания облепили меня со всех сторон, и, вгрызаясь в кожу словно вампиры, начали высасывать меня до нитки. Причем что они высасывали, кровь или душу, я так и не понял от дикой боли, пронзившей меня от макушки до пяток. Как итог, очнулся я опять на той же злосчастной площадке, видимо, успев снова умереть. Кипя от ярости, я тут же ринулся вперед, надеясь раздавить или размазать по земле эти пёстрые создания сатаны, но, не пройдя и десяти метров, был снова укушен мелкими исчадиями, в виде знакомых уже ранее ползущих гадов. Что случилось дальше, вы, очевидно, догадываетесь.

Сидя в очередной раз на пресловутых и уже родных для меня камнях, я начал понимать, что злостью и яростью тут ничего не добиться. Нужно быть, как минимум, с холодной и разумной головой, и прежде чем выходить, нужно продумать тактику, исходя из сложившихся обстоятельств. Тем более, что неподготовленные эксперименты, оборачивались, неопишуемой по своей чудовищной силе, болью, и с не менее страшным, а возможно и более ужасным, чувством смерти. Впрочем, объяснить, не испытавшему на себе человеку, весь ужас и чудовищность данного чувства не представляется возможным, просто поверьте мне на слово – в жизни нет ничего более мерзкого и зловещего чем смерть. Боль можно перетерпеть или смириться с нею, а со смертью смириться невозможно при всем желании.

Постоянное чувство жажды, за прошедший период принявшее просто маниакальную форму, вынудило меня поменять направление своего продвижения от леса к видневшемуся, чуть вдалеке, водопаду. Приноровившись к ползучим гадам и к бабочкам мутантам, их я просто разгонял, размахивая курткой, я снова и снова пытался добраться до живительной воды. Но другая мелкая живность, обладающая своей неповторимой и кровожадной способностью прекратить жизнь одинокого путника, желающего всего на всего напиться простой воды, мешала достижению этой цели. Приспособившись, в конечном счёте, и к ним, я уже практически добрался до воделенной влаги, в виде льющегося, на расстоянии в полтора километ-

рах от моей так называемой базы, маленького водопада. И когда из прибрежных кустов выскочило животное, напоминавшее крупного хомячка, и, вцепившись в ноги, начало со скоростью профессиональной бензопилы перегрызать мне конечности, я, собрав все оставшиеся силы, на окровавленных ногах, совершив невероятные кульбиты, всё же смог достичь задуманного. Допрыгнул и ткнулся перекошенным от боли лицом, в прохладный, и самый чудесный на тот момент, напиток во всем мире. Жадно и с упоением принялся поглощать его, не обращая внимания на ноющие обрубки ног и на всевозможных водяных пиявок и рептилий, полностью облепивших то, что было погружено в воду. Я впервые в этом мире испытал чувство победы, и никакая боль не могла его омрачить.

– Ну и что дальше!? – думал я, сидя в центре своей цитадели. За прошедшее довольно продолжительное время, которое я так и не научился здесь определять даже приблизительно, я свободно стал добираться до водопада и до леса, утоляя чувство жажды и голода. В пищу шла агрессивная и зубастая рыба, плавающая в ручье или твари напоминающие кроликов, довольно часто попадающиеся на опушке леса. Я даже приспособил плавательный пузырь и желудок отвратительной твари под тару для запаса воды, которую приносил на площадку, хотя добраться до источника мог минут за пятнадцать при желании. Моя одежда пришла в полную негодность, а организм, наоборот, из захудалого, по этим меркам естественно, превратился в трудно уязвимую машину, со стальными мышцами и отменной реакцией. Даже перепады температуры я воспринимал как должное и обыденное явление, практически без дискомфорта для себя. Желудок научился переваривать сырое мясо уже без всяких протестов и отвращения, как будто я всю жизнь только тем и занимался, что ел сырую пищу. Огонь, к сожалению, я так и не смог добыть. Вроде найденные неподалёку камни при ударе и высекали искры, но местная древесина в упор гореть не хотела, а высушенная трава просто превращалась в мелкую пыль. Ядовитые укусы мелких тварей, конечно в небольших количествах, теперь вызывали только неприятный зуд и небольшую опухоль, в месте укуса, а ведь раньше, встреча только с одной из них, приводила к летальному исходу. Сказать, что всё наладилось, было нельзя, язык просто не поворачивался назвать это серьёзным улучшением моей жизни. Я также постоянно испытывал постоянную жуткую боль, да и умирать приходилось довольно часто, хотя периодичность и снизилась в разы. Почему не сошёл с ума, сам понимаю с трудом, наверное, само понятие, что я живой играло главную роль в этом. В момент прыжка с крыши, слово «жизнь» было возведено в ранг единственного приоритета, даже если она была в страшных мучениях – всё равно это была жизнь. Но и продолжаться так дальше тоже не могло, потому и сидел на площадке с единственной мыслью: «И что дальше? Куда бедному крестьянину податься?». То небольшое, что всегда согревало меня, была надежда, что в этом мире я совсем не одинок, и есть где-то уголок с нормальной жизнью, а я просто неудачно попал сюда, вляпавшись в самое отвратительное место в этом мире, кишачье зловонными тварями. Ну не может же такой дивный, по красоте природы, с фантастическим буйством изумительных красок и совершенных форм, с разнообразием животных и птиц, хотя мне встречались только агрессивные виды, быть не заселён разумными созданиями. Потому в список своих очередных приоритетов, первым пунктом, я внес разведку местности, с целью найти подобных мне людей. Как сильно, и в который раз, я ошибался, но, увы, подсказать мне об этом было некому, а самому всегда хотелось верить в лучшее.

Ещё раз внимательно обдумав все варианты своих действий, понял, что для начала надо забраться на вершину самой высокой горы, находящейся в пределах моей видимости, а уж затем, оглядев всё как следует, принять направление своих дальнейших поисков. Осуществить задуманное было намного сложнее, чем я думал, так как твари, обитающие в горах, сильно отличались от равнинных собратьев, и пришлось опять искать эффективные способы борьбы с ними. Но потратив на это дело около трёх-четырёх месяцев, и испытав на себе около сотни смертей, я, стоял на вершине самого высокого пика, с гордым видом внимательно осмат-

ривая всё в округе. Везде, куда я не смотрел, была та же картина, что открывалась и с моей площадки, ну может, только видно было чуть дальше. Немного расстроившись, решил заночевать на вершине, тем более и идти, по большому счёту, было некуда. Ночью, залюбовавшись переливами, идущими по земле от висевших в небе лун, заметил странную точку на горизонте по направлению пустыни. Что меня заинтересовало, так это цвет. Кофейный с молочным оттенком, он очень напоминающий цвет, стелющегося вдоль каменной площадки тумана, от которого и камни казались такими же. Прикинув расстояние, с учётом высоты, на которой находился, получалось около восьмидесяти километров, и тяжело вздохнув, решил направляться в ту сторону, так как ничего более интересного больше не наблюдалось, не считая, конечно, фантастической красоты этого злобного мира.

Начало своей экспедиции я решил провести в тщательной подготовке. Во-первых, вся одежда которая была на мне ещё в Питере, пришла в полную негодность, а то, что было намотано на мне, одеждой было считать нельзя, даже с очень большой натяжкой. Да и с обувкой надо решить проблемы, по раскалённому песку много босиком не походишь. Во-вторых, решить вопрос с питьем и питанием, хотя с питанием можно и потерпеть, а вот с водой хуже, не хотелось бы опять попасть в начало своего путешествия из-за смерти от жажды. Плюс по мелочам всякое разное. Например, удобный бурдюк из желудка твари сделать, да хорошую дубинку отыскать в лесу не помешало бы, а то моя уже изрядно попортилась и может в любой момент развалиться. Кстати, по поводу дубинки, да и других вещей, приспособленных мною под оружие, я обратил внимание, что при возрождении на каменной площадке, вместе со мной всегда оказывались те, которых я касался. Поэтому, даже умирая, я никогда не выпускал из рук оружие, иначе потом замучаешься его заново добывать. Поскольку ближайшие окрестности были полностью изучены, вся моя подготовка заняла около двадцати дней, причем пятнадцать из них ушло на изготовление жалкого подобия одежды и обуви. К великому сожалению, все мои знания и навыки, основанные на периоде полураспада тяжёлых элементов, были здесь, как говорится, ни к селу, ни к городу, и помочь мне в житейских проблемах не могли абсолютно никоим образом. Так что товарищи абитуриенты, подумайте хорошенько перед поступлением куда-либо, а надо ли вам это, может лучше пойти в ученики к сапожнику или портному – толку больше будет.

Как не пытался я подготовиться к предстоящему переходу, но, сами знаете, всего не учёшь. И даже человек с большим воображением в кошмарных снах не смог бы придумать того, что встречалось у меня на пути. Сценаристы фильмов ужасов в Голливуде молча отдыхают в тенёчке. Началось с того, что ступив на песок с золотистым отливом, простирающийся по всей пустыне, кстати добрался до неё я в кратчайшие сроки и практически без проблем, я почувствовал адскую головную боль, будто кто-то или что-то высасывало у меня из мозгов все воспоминания, все мысли, все знания, заложенные природой, да наверное и сами мозги в придачу. И пройдя с десятков шагов, я рухнул на землю полным идиотом, в прямом понимании этого слова, не умеющим не только думать, но даже не знающим что значит есть или пить. Попробовав еще пару раз, и поняв, что это не случайность, прекратил все дальнейшие попытки, и решил искать другие пути.

Через пару месяцев поисков впал в уныние, обнаружив, что нахожусь на полуострове, окружённом морем. И что единственный проход отсюда преграждает непонятная и непроходимая пустыня. Пребывая в отчаянии, занялся самобичеванием. На подобии того, когда люди, обречённые на безысходность, бьются головой о стену, как будто она в чём-то виновата, неважно – стена или голова. Только в качестве бетонной стены я выбрал эту злосчастную пустыню, и раз за разом пёр напролом, сколько мог, благо добраться до неё, от моего пристанища, было раз плюнуть. Сколько длилась эта истерика, точно сказать не могу. Может месяц, а может и три. Но однажды, в очередной раз, подходя к границе золотого безумия, как я окрестил простирающуюся передо мной пустыню, взгляд упал на валяющийся далеко впереди бур-

дюк с водой, выроненный мной в последний раз. Остановившись, я долго не мог понять, что меня смутило при его виде. Но то, что здесь что-то не так, никакого сомнения не вызывало. Наконец меня осенило. Расстояние. Бурдюк валялся на расстоянии более двухсот пятидесяти метров. Но такого не могло быть, я прекрасно помнил, что максимум мне удавалось пройти десять-двенадцать шагов, после чего я падал, будучи уже полным придурком неспособным к передвижению. Неужели за время пока длилась моя истерика, что-то произошло с пустыней или, может, с моим организмом. Так может мне всё-таки удастся преодолеть коварную преграду, между мной и другими людьми (к великому сожалению, а может быть и к счастью, я до сих пор считал, что где-то здесь живут разумные и похожие на меня люди).

Получив неожиданную надежду на будущее, я решил подойти к вопросу продвижения в золотом безумии, с научной точки зрения, конечно с учётом возможностей, присущим в данной ситуации. Для начала, решил выяснить за какое время и на какую длину увеличивается дистанция пройденного мною пути. Чтобы это выяснить, клал на голову небольшой, но заметный камень, поскольку в ношении его в руках была существенная неувязка. Как выяснилось, чисто рефлекторно, погибая, я не выпускал из рук предметов напоминающих оружие, и возрождался на своих камнях вместе с зажатыми в них предметами. Падая, камень помечал место, до которого удавалось добраться, и по приходу я добросовестно заносил полученные данные в таблицу, начерченную на глинистой площадке неподалёку. В итоге, после десяти дней экстремальных экспериментов, удалось получить следующие результаты.

Выяснилось, например, что хоть увеличения происходили пока незначительные, но они явно находились, пусть и не в геометрической, но явно в арифметической прогрессии, что меня несказанно обрадовало. И проведя несложные вычисления, для которых, в коем веке,годились мои знания, стало понятно, что, если я не напутал с расчётами, и делать по три попытки в день, то преодолеть расстояние примерно в шестьдесят километров можно за двести пятьдесят – двести восемьдесят дней. И поскольку, возможность встречи, с себе подобными, перевесила вопящее чувство самосохранения, к героическому прорыву я приступил в этот же день.

К великому удивлению, всё оказалось гораздо лучше, чем показывали мои расчёты. Где-то после четверти пути, качественно выросла прогрессия продвижения, и мне удалось преодолеть, казалось непроходимое препятствие всего за сто шестьдесят два дня. Знаю эту цифру потому, что каждый день делал засечки на дубине. Чего мне это стоило, рассказывать не буду. Впрочем как и о том, как проходил следующие за пустыней пятнадцать километров. Хотя только одни обезьяноподобные существа, с дубинами в метр длинной, стоили мне не только нервов и времени, но и много чего страшнее – изодранных смертей, например. Единственное что уточню, так это то, что пустыню, в связи с этим, мне пришлось полностью переходить раз сорок, и последние переходы я делал весело насвистывая мелодии, поскольку никакой живности на её территории не наблюдалось, а мне воздействие золотистого песка стало абсолютно по барабану.

Предчувствие меня не подвело. Точка, увиденная мною на вершине, действительно оказалась площадкой, как две капли воды похожая на ту, в которой я оказался изначально. Но к решению моих проблем это ничего не добавило, скорее наоборот, возникло больше вопросов, чем решилось. И единственное, что для меня изменилось, в данном мире было то, что после летальных исходов, случающихся со мной, я возрождался уже на новой площадке, да и зверьё здесь было более крупным и смертоносным. Меня начала охватывать жуткая депрессия. Что бы её избежать, надо было искать новую цель, которая поможет отвлечь меня от осознания бессмысленности и бесполезности своих действий. И самое главное, не позволит мне сойти с ума, живя в этом жутком мире без цели и без надежды. Единственное, что смогло прийти на ум, это попытаться найти следующую площадку, убеждая себя, что там точно будут люди, и мне обязательно надо это сделать. Верил я своим убеждениям со страшным скрипом,

хотя и пытался себе это внушить даже с помощью самогипноза, тем не менее, даже маленькая частичка этой веры, заставляла меня вставать и продолжать движение вперед. Сколько времени я блуждал по окрестностям, не помню, да и засечки на дубинке давно перестал делать. Да и сами дубинки сменил не один десяток, последняя была с вставленными в ударную часть острыми осколками какого-то крепкого минерала, найденного мною у отдельно стоящей каменной гряды. За многие месяцы, проведенные здесь, а по самым скромным прикидкам прошло уже не менее двух лет, я научился довольно сносно срезать себе выросшую гриву на голове, поскольку длинные волосы сильно мешали в стычках со всевозможной нечистью. Борода, к счастью, как росла жиденько, в мои двадцать четыре года, так и осталась такой же, на подобии как у Арамиса из «Трёх мушкетеров», поэтому особых хлопот не доставляла. Одежда и обувь имела вид, как у дикаря из первобытного племени, но, тем не менее, была вполне удобной. Впрочем, это всё не существенно. Главное было то, что я, совершенно неожиданно, в одном из своих походов, встретил настоящего живого человека.

Это был мальчик лет двенадцати. Он стоял у скалы, выдвинутой чуть в сторону от основной горной гряды, и делая странные жесты руками, напоминающими плетение узоров в воздухе, отбивался от группы различных мерзких тварей. Причём тварей валяющихся в округе мертвыми, было значительно больше, чем нападающих, да и те наполовину были искалечены. Первое, что пришло в голову, было желание помочь, как мне казалось, попавшему в беду ребёнку. Я, с диким криком, бросился на оставшихся недобитков, и, со звериным остервенением размахивая своей дубиной, начал, как орехи крушить черепа тварей, превращая их в кровавое месиво из мозгов и костей. И когда по близости не осталось ничего живого, поднял взгляд на стоящего рядом мальчика. Он стоял на том же месте, правда глаза у него были круглыми от удивления и чем дольше он на меня смотрел, тем больше были его глаза, а открытый рот готов был упасть до груди. Одет он был довольно опрятно, можно даже сказать, шикарно одет. Правда покроем напоминал скорее платья времён короля Артура, но смотрелся чрезвычайно элегантно, с добавлением какой-то простоты, от которой внешний вид только выигрывал. Сам я, немного ошалевший от такой встречи, от волнения не зная, что сказать, просто подошел чуть ближе к нему. Мальчишка первый начал разговор, проговорив что-то на непонятном мне языке и видя по моей физиономии, что я ни черта не понимаю, попытался что-то спросить видимо уже на другом языке. Перебрав их, штук пять, он молча уставился на меня, не переставая при этом удивляться.

– Привет! Меня зовут Андрей! А как тебя? – начал я хотя бы для того, чтобы он не посчитал меня за глухонемого.

Он опять с удивлением посмотрел на меня, и надолго задумался. Было ощущение, что он пытается что-то вспомнить или найти в своей голове какую-то важную для него информацию. Прошло, наверное, около пяти минут, и вдруг он выдал фразу на языке напоминающем, что-то похожее на старославянский, только сильно исковерканный, и вперемешку с непонятными словами. Но при этом я его понимал, частично разбирая какие-то слова, частично догадываясь о значении не понятных для меня, и частично просто логически додумываясь, о чем идёт речь. Не буду рассказывать, как мы разговаривали с помощью отдельно взятых и понятных для нас обоих фразам, добавляя для лучшего понимания жесты и мимику. Просто перескажу наш разговор в привычном для всех Вас виде.

– Кто ты? И от куда? – была, по своей сути, его первая фраза.

– Я Андрей! Попал сюда с земли! А кто ты? И как тебя зовут? – ответил я, попутно сам задавая вопросы.

– Я гвард! Зовут меня Милаар! Нахожусь здесь, чтобы проверить и отточить своё мастерство. А для чего ты сюда прибыл?

– Я не прибыл! Я сюда попал, причём совершенно случайно!

– Разве сюда можно попасть случайно!? – удивился он.

– Я же как-то попал сюда! – сказал я, и в краткой форме рассказал ему свою историю, опустив всё, что касается убийств и бегства, говоря только про амулет и то, как мы с ним разбирались и как хотели попасть в мир, где нельзя умереть.

– Вы ошиблись! Не правильно перевели многие слова! – сказал он вертя в руках мой амулет, который я, после попадания, всегда носил на груди: – Это символ означает не «нельзя умереть», а «возрождение после смерти», а вот этот не «мир», а «мир где никто не живёт». Это вроде как обучающий полигон!

– Какой полигон? – перебил я его, потрясённый услышанным.

– Ну, полигон, это такой большой тренажёрный зал! – начал объяснять он, неправильно истолковав мое выражение на лице.

В дальнейшем из разговора я понял следующее. Что этот амулет служит для попадания, на так называемый, мир – полигон, служащий с давних времён, для приобретения и оттачивания мастерства Гуардов. В основном все старались совершенствовать магические навыки, но случалось, заглядывали и для фехтования, попутно укрепляя тело и дух. Посещать его в последнее время стали мало, пользуясь более гуманным способом развить своё искусство, не прибегая к смерти, а используя только её имитацию, что имеет очень большую разницу, так как частая смерть сама по себе сильно влияет на психику, что может привести, в дальнейшем, к сумасшествию. Он сюда отправился по желанию своего дедушки, очень сильного мага, но любящего старомодные традиции, посчитав, что его внуку надо хотя бы раз здесь побывать. Правда, отправил он его на самый низкий уровень, чтоб, не дай бог, внучок не погиб лишний раз. Попасть сюда могут только Гуарды, причём им для этого не нужен древний старомодный амулет, требующий каплю крови для подтверждения, что она является кровью гуарда. И что я тоже гуард, хотя этого и не знаю, иначе сюда не попал бы ни при каких обстоятельствах. Да и срабатывание амулета, получившего каплю моей крови во время стрельбы на крыше, это подтверждает. Слова – Виса варам кунси, написанные на амулете и произнесённые мною, имеют следующее значение. Виса – начало, Варам – конец, вместе они означают промежуток времени, а слово Кунси означает уровень. То есть, при заклинании надо было произнести, или просто подумать, что было вполне достаточно, примерно следующее: «два часа, третий уровень». А прочитанное мною заклинание, имело примерно следующий смысл: «от начала, до конца, все уровни». Почему я не владею магией, он не понимает, все гуарды маги по определению. Как отсюда мне выбраться он тоже не представляет. Никто не то что не проходил до конца этот полигон, а даже никому не приходило в голову находиться здесь дольше трёх-четырёх часов. Вытащить меня отсюда со стороны не представляется возможным. Сюда можно попасть, и в дальнейшем покинуть этот мир-полигон, только по собственной воле и по собственному желанию, которое оговаривается оглашением промежутка времени нахождения при активации прохода. Что язык, на котором мы общаемся, он изучил по наставлению деда, который считал, что изучение давно забытых языков, способствует развитию памяти. А забыт он потому, что в далёком прошлом, в мире в котором он имел хождение, произошла катастрофа и все магические источники, наполнявшие планету магической энергией погибли. Соответственно исчезли и гуарды и маги, и язык стал забытым. И ещё много чего, что я возможно и упомяну чуть позже, при случае. Если пересказывать всё сейчас, то отниму у вас много времени, которого, как всегда, вечно не хватает.

– Извини! Мне пора уходить! Время заканчивается! – сказал Милаард, напоследок предложив мне подарок: – Вот возьми на память, может тебе пригодиться, я всё равно им не пользуюсь, меня больше магия прельщает!

И он положил передо мной красивый клинок, висевший у него на поясе. Я смог только кивнуть головой в знак благодарности, так как от всего услышанного, у меня перехватило дыхание, и я с трудом мог даже дышать. Через несколько мгновений его заволкло серебристой

дымкой, и он просто исчез, как будто его и не было никогда. Правда, клинок, лежащий у моих ног, подтверждал, что происходящее ранее не было моим больным воображением.

Сколько времени я молча просидел у этой скалы – одному богу известно. День сменяла ночь, потом опять приходил день, а я всё сидел, практически не меняя позы, и только нерадостные мысли бурлили в голове, напоминая кипящий котёл. Всё кончилось. Пропали даже призрачные надежды на изменение к лучшему. Как мне дальше жить, то что происходило сейчас нельзя назвать жизнью. Я чувствовал себя не живым человеком, а бездушным винтиком в этой машине под названием «Полигон». Дойти до конца, но как это сделать, если никто ни когда не проходил его, даже обладая огромной магией. И если, по словам мальчишки, это был только начальный уровень, то, что ждёт меня дальше, вечные муки, как в аду. И вроде бы, единственный правильный выход из положения, покончить жизнь самоубийством, здесь просто не мог быть осуществим. К своему стыду, я уже пробовал сделать это раньше. Устраивал обвалы, становясь под падающие камни, с камнем на шее топился в болоте и многое другое. Но всегда появлялся на каменной площадке, причём в случае с болотом, привязанный к шее камень лежал рядом, вместе с верёвкой на шее. Меня даже лишили обычной смерти от старости, поскольку уйдя из жизни в преклонные годы, я вновь возродился бы в свои двадцать три с хвостиком, на какой-нибудь злосчастной площадке, причём здоровым и окрепшим. Не знаю, поймете ли вы, что я чувствовал, но думаю, в аду люди находятся в более выгодном положении. Там хоть и муки вечные, но всё понятно, да и никто от этих мучений не умирает по десять раз на дню. О боже, за что мне это наказание, за то что прогуливал занятия, или за то что в моей кровати перебивало много женщин, а я так и не смог влюбиться, или за те смерти, что произошли в последнее время, когда я был на земле, но ты же видел, что произошли они не по злему умыслу. От полного бессилия, что-либо изменить, я дико завыл. Слезы отчаяния хлынули из глаз, а руки сжались в кулаки с такой силой, что казалось, не выдержат суставы. Меня начала переполнять злость, перешедшая в дальнейшем в слепую звериную ярость. Пусть я потерял всё, что можно себе представить, даже право на смерть, но кто-то должен за это ответить. Я буду ломать этот мир всеми доступными мне средствами. Возможно, я и не смогу его уничтожить, но хоть постараюсь ему навредить, и приложу для этого все свои силы без остатка.

Я превратился в безумного зверя. Желание уничтожить всех и всё, я превратил в свой основной инстинкт, в надежде, что если меня лишат способности думать, я всё равно продолжал бы убивать, и крошить всё, что было возможным. Время перестало для меня существовать. Я, с клинком в руке, который, казалось, прирос к ладони, с сияющими полным безумием глазами, не ища определённого направления, не отдыхая и даже спать умудряясь между пробежками от твари к твари, которых я в остервенении рубил, рвал руками и грыз зубами. В этой безумной гонке, я даже не замечал, ни новые площадки попадавшие на пути, ни качественные изменения самих тварей, окружавших меня. Среди них начали попадаться зомби, обладающие не только невероятной силой, но и магией, каменные тролли практически неуязвимые для всех видов оружия кроме магии, а ей я так и не стал обладать, летающие ящеры гигантских размеров и многое другое. Я даже не замечал, какими только немыслимыми способами меня неоднократно убивали. Но, тем не менее, я упорно продвигался вперёд, если конечно можно было понять, где здесь перёд, а где зад. И вдруг, среди этой зловещей вакханалии, в голове, ярким пятном, затмив звериную сущность, возникли образы моих близких. Я увидел отца с матерью, свою любимую бабушку и даже, умершего еще до рождения отца, своего дедушку. Причем он стоял как будто живой, очень похожий на меня, и нежно, но с укором глядел прямо мне в глаза.

– Остановись! Ты же человек! Никогда в нашем роду не было зверей! Ты должен верить в судьбу! В жизни всегда должна быть вера, а жизнь это то, за что надо бороться до последнего! – прозвучало у меня в голове. И всё тело как будто окатили ушатом холодной воды.

– Что это было? – задался я вопросом, промелькнувшим в моей голове впервые, после встречи с Милааром: – Это что, голос свыше? Или просто «полигон», лишивший меня всего, решил лишить меня даже самой возможности безумия? (Забегая вперёд скажу, произошедшее, обычно называют зовом крови или родовой памятью, и хотя все хорошо знают об этом, но понять принцип действия до сих пор до конца не могут). И опять, в который уже раз, я сидел и думал над извечным вопросом: «И что дальше делать?». И как всегда, вариантов в голове было ноль целых, ноль десятых. «Да пошло оно всё..!» – в сердцах воскликнул я: – Буду просто жить! Думать о том, как жить, уже надоело!

Для начала решил привести себя в порядок, поскольку со стороны был похож на грязное отвратительное животное, в прочем которым я до последней минуты и являлся. Хорошенько отмывшись, используя речной песок в качестве мочалки, я, подойдя к тихой заводи, внимательно стал рассматривать своё отражение. Оказывается, я сильно изменился, и дело не в том, что у меня вдруг выросли клыки или когти с хвостом, нет. Всё такое было в полном порядке и имело вполне человеческий вид, но тело было словно выточено из камня. Не одного грамма лишнего жира, витые связки мышц, причём не накачанные до полного безобразия, с использованием стероидов, как у качков, а вполне человеческие. Со стороны обычно про таких говорят – жилистый мужик, а не накачанный. Гибкость моего тела тоже здорово меня порадовала, поскольку мог соперничать с девочками, занимающимися художественной гимнастикой. Что немного удивило, так это волосы, растущие на голове, это ж сколько лет надо такие отращивать. Но с гривой, при помощи клинка, я быстро нашёл общий язык. А вот бородёнка, как была жидкая, так и осталась, да и бог с ней. Изменения произошли не только с моим внешним видом, но и реакцией моего организма на многие внешние факторы. Например, я легко переносил перепады температур, причём довольно значительные, мог вполне прилично видеть в темноте, и что меня поразило, сильно выросла регенерация всего организма. То есть раны на мне заживали как на собаке, может даже и быстрее. Так же, что выяснилось в дальнейшем, я легко переносил всевозможные яды, во всяком случае, отравления не приводили к летальному исходу. Что такое насморк или кашель я вообще забыл, хоть и раньше я на здоровье не жаловался, но сейчас оно точно было железным. Да, Железяка она и в Африке Железяка, с улыбкой, чуть изменил я старое изречение, запомнившееся по телевизионной рекламе. Организм стал более вынослив, я мог долго находиться без воды и пищи, да и нырять стал как дельфин, во всяком случае, мог задержать дыхание минут на восемь точно, причём в активном движении. Обидно было только то, что поделиться хорошими новостями было просто не с кем. Да и вообще, простого общения не хватало катастрофически, кажется что я и попугая расцеловал бы в задницу, лишь бы он поболтал со мной немного. Но, увы, их тут, к великому сожалению, не было.

Неожиданно вспомнился один голливудский фильм, кажется «Изгой» называется, в котором человек после катастрофы попал на необитаемый остров. И вопрос с общением, он решил с помощью волейбольного мяча, на котором нарисовал глаза и рот, и назвав Винсентом, разговаривал с ним всё своё время пребывания в одиночестве. Решил попробовать. Набил сухой травой желудок очередной твари, нарисовал на нём лицо, даже уши приделал, и стал с этим чучелом разговаривать. По прошествии трёх дней понял, что это не моё, ну ни как не цепляет совершенно, а только ещё больше нагоняет зелёную тоску.

И вот однажды, уничтожив в своём небольшом походе, несколько довольно серьёзных тварей, я увидел пушистый серебристый комок, размером с волейбольный мяч. Он слегка ворочался и тихонько поскуливал.

Уже занеся над ним клинок, неожиданно подумал: «Да что я за тварь такая, всех подряд уничтожающая, так меня и не отличить будет от чудовищ заполонивших этот мир!».

– Всё! Ты будешь моим Пятницей! – громко сказал я ему, вспомнив известный роман о Робинзоне Крузо. Став брать его на руки, получил чудовищно болезненный укус, распоровший мою руку чуть ли не до кости.

– Ах ты, гадёныш! – прокричал я и снова взялся за клинок, но тут во мне проснулось чувство упрямства, и, как не странно, чувство мести.

– Ты так легко не отделаешься! – уже остывая, вслух подумал я, и убрал своё оружие.

Пятница, так я, не особо задумываясь, назвал своего питомца, был достаточно злобным существом, хоть и совсем ещё маленьким, напоминающим котёнка. Он постоянно рычал и скалился, если можно применить такие понятия к мелюзге, не умеющей ещё как следует двигаться. Временами, его серебристая шёрстка приходила в мелкое движение, и он становился каким-то мерцающим. После чего, ненадолго ложился и тихо поскуливал, как будто был чем-то расстроен. Держал я его на привязи, на своей новой каменной площадке, даже навес соорудил над ним, защищавший его от палящего солнца и проливных дождей, из веток гибкого, но очень прочного кустарника. Как не пытался его накормить, ничего не удавалось, он даже не пил ни разу. Уже не надеясь сохранить своего питомца, поскольку он совсем отошал и уже с трудом двигался, случайно скинул рядом с ним тушку убитого мною животного, слегка напоминающего горного козла, только рога у этого козла были пропитаны чрезвычайно токсичным ядом, но вкус был очень даже ничего. И перерезал ему горло, чтобы, впоследствии, содрать шкуру и приготовить себе обед. Как неожиданно мой щенок припал к струйке крови, вытекающей из перерезанного горла, и, не отрываясь, лакал ещё теплую кровь, пока поток её не прекратился.

– Так ты у нас что, кровососущий? – удивился я, естественно не получив от него ответа.

Кстати, разводить огонь я наконец-то научился. Просто поленья нужно было пропитать жиром, предварительно просушив их на солнце. Жирных тварей в округе было достаточно, как и деревьев, потому проблем с топливом я не испытывал. С посудой для приготовления, правда, были проблемы, так как мои знания ядерного реактора ни как не способствовали пониманию того, как её сделать. Поэтому я просто использовал раскалённые на огне камни, ложа на него куски мяса, и получалось вполне прилично. А если ещё учесть, что здесь я нашёл кристаллическую соль, да собирал листья некоторых растений, которые с небольшой натяжкой, сходили за приправы, то еда была просто изумительной, по моим новым меркам естественно.

По прошествии месяца, с момента знакомства с четвероногим найдёнышем, Пятница наконец-то оклемался. Даже стал понемногу есть слегка прожаренное мясо, правда только пресное, если в нём была соль или приправы, то демонстративно воротил мордой. Свежую кровь я постоянно приносил ему в бурдюке, в день он выпивал её где-то с пол литра. И, хоть он пока и не подпускал меня к своему телу, но я был настолько счастлив нахождению рядом с собой живого существа, что готов был до окончания жизни ухаживать за ним, не требуя от него взаимности.

Дни продолжали идти своим чередом. Практически ничего не менялось в моей жизни, если не считать очередные смены площадок, да того, что я стал периодически брать с собой Пятницу на небольшие прогулки, держа его пока ещё на поводке. В один из таких обыденных дней я вновь повстречался с людьми. Хотя сама встреча и впечатления от неё не были такими яркими и судьбоносными, тем не менее, я многое узнал нового и полезного о себе, да и о мире.

Произошло это на моей каменной территории, когда я занимался приготовлением пищи. В воздухе внезапно образовалась серебристая дымка и на площадке возникли две фигуры, одной из которых был мой старый знакомый Милаар, а второй – высокий пожилой мужчина, держащий мальчишку за руку.

– Привет Андрэ! – сказал Милаар, почему-то пропустив окончание моего имени: – Познакомься с моим дедушкой, зовут его Вигар!

– И вам здравствуйте! Очень рад нашей встрече! – ответил я радостно, но почему-то не особо удивлённо. Возможно, просто разучился удивляться в последнее время, иначе изумление никогда не сходило бы с моего лица, поскольку необычное и фантастическое меня сопровождало каждый день.

– Вот, дедушка, когда узнал от меня о нашей встрече, захотел срочно тебя увидеть! – продолжил он диалог, объясняя своё прибытие.

– Ничего себе срочно!? Если не ошибаюсь, прошло уже больше пяти лет, как мы с тобой расстались!

– Здесь время летит не так как в других мирах! У нас прошло всего два дня! И если честно, мы не думали что сможем застать тебя разумным человеком! – пояснил его пожилой спутник.

Тут наша встреча чуть было не оборвалась самым случайным образом. Увидев Пятницу, оскалившегося в углу, со вздыбленной шерстью и горящими от ярости глазами, они попытались покинуть наше гостеприимное общество.

– Внимание! Опасность! – с побледневшим лицом прокричал Вигар, стараясь спрятать внука за свою спину: – Как это чудовище попало за ограждение?

– Да вроде как я его притащил! И чего вы так всполошились? – немного разволновавшись, ответил я, со своей стороны немного прикрывая своего питомца, так как дед начал плести руками какие-то плетения, явно не дружественного характера.

К моему великому удивлению, да, наверное, и к радости, Пятница, впервые в жизни, пристроился у меня между ног, и яростно рычал на стоящих людей, как будто пытаюсь защитить меня от опасности. Челюсти у обоих моих гостей отвисли, наверное, до земли, и совершенно не думали закрываться. Минуты две старик с мальчишкой находились в полном ступоре. Да я и сам молчал, не понимая, что происходит. Как выяснилось в дальнейшем из разговора, Пятница оказался очень редким и одним из самых опасных существ, среди множества миров. Как выяснилось, во взрослом состоянии он был сопоставимым с крупным тигром, причём тигр явно проигрывал ему в размерах. Ужас внушал и тот факт, что он практически был неуязвим для любой магии, к тому же он ещё мог становиться абсолютно невидимым, благодаря своей серебристой шерсти которая могла преломлять свет особым образом, и лучи как бы не отражались от него, а обтекали, создавая иллюзию полного отсутствия. Да и сама шерсть по прочности не уступала хорошей стали. Правда, всё это проявлялось у них в более зрелом возрасте, который наступал где-то после семи лет, а до этого времени они считались щенками. Немного успокоившись, получив от меня исчерпывающую информацию, по поводу найдёныша, гости продолжили свою беседу.

Много времени из нашего общения заняло исследование меня на наличие магии и моих способностей.

Как выяснилось, гварды являлись магами очень высокого уровня, не ниже пятидесятого. Маги, архи маги и магистры находились на ступеньку ниже. Сначала не понимая, почему со мной всё не так, а потом, дотошно обследовав, применив академические знания и магию доступную только сильным специалистам по менталу, каковым и являлся Вигар, вырисовывалась следующая картина, проясняющая мою эксклюзивность, как выразился старик. По мне так скорее ущербность.

Из объяснений Вигара, я понял следующее. В любом человеке, тем более гварде, изначально заложены способности к магии, еще при рождении. Но они находятся в спящем состоянии и их надо развивать. Причем способности, как и сама магия, делятся на две категории – пассивная и активная. Активной считается магия потребляющая магическую энергию, а пассивной та, которой эта энергия не нужна. Например, всё, что относится к ментальному сопротивлению, самолечению организма без привлечения внешней силы, противодействию ядам, гипнозу, воздействием на психику, ускоренная реакция, интуиция, выносливость организма

и тому подобное – это пассивная. Всё что касается видимых сторон волшебства, типа зажигание огня, заморозка, левитация, усыпление, возрождение и так далее – это активная. Аура, по которой обычно определяют магов и их потенциальные возможности, образуется только при приобретении активных навыков, так как по своей природе являлась чем-то на подобии принимающего и передающего устройства для магических сил, а поскольку у меня этих навыков нет, то и аура у меня отсутствует полностью. Теперь что касается обучения. Здесь тоже было не всё так просто. Сами ядра магических способностей находились в сером веществе, называемом мозгом. Но при развитии навыков, так называемые ядра, захватывали нейроны в коре головного мозга, причем, чем сильнее становилось умение, тем больше нейронов оно охватывало. Это относится к обеим сторонам магии. В моём случае, у меня развивалась только пассивная, потому что не требовала обучения и заложена была на генном уровне, потому требовала только развития. А все нападения на меня, все отравления, болезни, ментальные атаки, постоянная борьба за выживание, действовали на меня, как тренажёры на культуриста. В период же моего безумства, длившегося около пяти лет, это проходило в таком бешеном темпе, что практически все свободные нейроны были задействованы, что само по себе было чрезвычайной редкостью. Короче, мне надо забыть о возможности колдовать, и никакие знания уже не помогут. Единственное что утешало, это то, что ментальная защита и многое другое, было у меня на уровне младших богов, да и то не каждый из них мог преодолеть пустыню, прозванную мною золотым безумием. Кстати, я был первым за всю историю существования этого мира, кто её прошёл.

При дальнейшей беседе выяснилось, что я уже преодолел почти половину пути до последней площадки, которая выводила на последний уровень сложности. Но пройти её считалось невозможно, так как страж преграждающий выход и хранящий ключ-амулет от него, был неуязвим ни для какого оружия, а боевая магия, способная убить его, должна была быть такой силы, что обладание её не могло быть по определению. Тем более что я не обладал вообще никакой, и никогда уже обладать не буду. В отличие от Вигара, большинство вообще пассивную сторону за магию не считали, и к его теории относились с иронией. Ещё неприятными последствиями моего развития было то, что мэтру ментальной магии так и не удалось вложить в меня знания языков и сведений о мирах, в которые могут попасть гварды, хотя с другими у него это получалось легко. Просто моя защита от внешнего вторжения, воспринимала это как враждебное вмешательство, а её сила была столь велика, что Вигар прекратил всякие попытки её преодолеть.

Вскоре время нашей встречи стало подходить к концу.

– Спасибо Вам уважаемые гварды, за то, что уделили мне столько вашего времени! – сказал я совершенно искренне, поклонившись им, с чувством глубокого почтения.

– И тебе спасибо Андрэ! Я впервые встречаю такого уникального человека! И эта встреча принесла мне не меньше пользы, чем тебе! Теперь я точно убедился в правильности своей теории, и могу, со спокойной совестью, засесть за свои академические труды! – поклоном на поклон ответил мне Вигар: – Сожалею, что ни чем не смог тебе помочь, чтобы облегчить твоё нахождение здесь. Прими от меня несколько подарков, которые могут скрасить твоё далеко не лёгкое положение!

После чего, они положили небольшой свёрток у моих ног, и их окружила уже знакомая серебристая дымка, предшествующая перемещению между мирами.

Оставшись один, вместе со своим питомцем, я развернул, оставленный мне, свёрток. Там находились добротная одежда, состоящая из штанов и куртки, без изысков и всякой мишуры, но удивительно удобных и крепких. Очень лёгкие и изящные сапоги, которым я был рад больше всего, так как с обувкой у меня были большие проблемы. Кинжал, видимо являющейся приложением к клинку, подаренному мне ранее и с которым я уже сроднился. И небольшая фляжка с чудесным вином. Мне даже показалось, что вино они взяли для того, чтобы помянуть меня, если бы я на момент встречи был бы безумным зверем, без шансов снова стать человеком.

– Ну что Пятница! Двинем с тобой к выходу! Кто не рискует – тот не пьёт шампанское! – с лёгкой обречённостью в голосе, сказал я после долгого раздумья, в которое погрузился с момента расставания.

Сознательно пропущу следующие пять лет моей жизни. Догадаться как она проходила, думаю, будет совсем не сложно, а описывать всю мерзость, попадавшую на пути, не хватит времени, да и желания нет совсем. Единственное отмечу, что Пятницу я перестал привязывать сразу после памятной встречи. Он понемногу подрастал каждый год, и становился для меня незаменимым помощником во всех моих делах.

Да и питались мы с ним почти из одного котла. Кровь, кстати, ему была необходима только в начале, на подобии как человеческому младенцу грудное молоко, и теперь он спокойно пил воду, хотя и от неё не отказывался. Вот только от пряностей, он так до сих пор морду и воротил, признавая лишь чистый продукт в виде мяса, которого здесь было в избытке.

И вот мы, в конце концов, стояли на последней площадке. Мы – это я, бывший когда-то студентом пятого курса института, Железнов Андрей, по кличке «Железяка», впоследствии, волею случая, ставшим преступником и изгоем, и мой верный, и единственный в этом мире, друг Пятница, существо внешне похожее на леопарда, только значительно крупнее и без пятен, с шерстью по цвету напоминающей алюминий. Впереди возвышалась цитадель, кишашая злобными созданиями, и преграждающая путь к так долгожданному выходу из этого ада. «Не бойсь Пятница, прорвёмся!» – подбодрил я своего друга, хотя боялся как раз я сам. По необъяснимой причине, именно у последнего рубежа меня начал бить мелкий озноб. Да и интуиция подсказывала, что предстоящее дело было мне явно не по зубам. Но дойти и не попробовать осуществить свою заветную мечту, которую лелеял больше десяти лет, было просто невозможно. Вопрос был поставлен ребром. Либо преодолеваем, либо в будущем навсегда превратиться в зверя, и никакая родовая память уже не поможет.

Возможно, по причине близости конечной цели, а может и страха, я никак не мог решиться на начало данной операции. И уже который день мы сидели на каменной площадке за барьером, наблюдая за лежащей впереди крепостью. Из вещей, подаренных мне случайными людьми, у меня осталось только оружие. Клинок и короткий кинжал, которыми я уже владел виртуозно, и которые меня ни разу не подводили. Одежда и обувь за время скитания пришла в негодность, потому одет я был как дикарь, да ещё с учётом, что иглой и шилом я работать не умел, да и не было их у меня. Фляжка потерялась ещё в начале путешествия, когда я сорвался со скал, и искать её не было ни возможности, ни желания, хотя она и была наполнена больше чем наполовину.

Пятница лежал у моих ног и, глядя на меня, слегка повиливал хвостом, как будто подбадривая. За последние годы, мы настолько начали понимать друг друга, что выглядели как единый боевой организм, и не знаю, смог бы я дойти без него до этого места, думаю врятле. Всё, хватит ждать у моря погоды. Пора начинать!

Сказать, что мы быстро добрались до стража, охраняющего ключ от выхода, значит бессовестно Вам солгать. Причём Пятнице было даже хуже, чем мне. Поскольку он не мог заново возродиться живым и здоровым, и бывало, неделями зализывал раны, благо регенерация у него была в разы лучше моей. Но, тем не менее, нам это, в конечном счёте, удалось. Открывшаяся картина привела меня в состояние отчаяния.

Мы стояли по центру узкого и длинного коридора. Слева по направлению находилась дверь, представляющая собой большой массив камня с восьмиконечным углублением в центре. А справа, на расстоянии около ста метров, висел ключ, выполненный из золотистого материала и имеющий вид восьмиконечной звезды, точно повторяющий контуры углубления на двери. Но между нами и ключом стояло чудище, называемое стражем. Ростом под три метра, похожий на индийскую шестирукую богиню, но со зверской рожей, состоящий из монолитного куса стали, причём с гибкостью не уступающей танцору, и с оружием в каждой руке. Легче было

биться головой о каменную стену, чем идти на него. Я сел на пол и зарыдал, прощаясь со всем, что было в моей жизни, с мечтами и надеждами. Ощущение было такое же, как при полёте с крыши четырнадцати этажного дома.

Пятница, изрядно потрёпанный, чувствуя моё состояние, свернулся у моих ног и тихо поскуливал.

«Прощай мой милый друг! Нет у нас с тобой больше будущего! Всё что мы делали, за что боролись, было зря!» – проговорил я ему сквозь слёзы. Он вдруг привстал и долго-долго смотрел мне в глаза. Потом, видимо поняв причину моего отчаяния, резко встрепенулся, шерсть встала дыбом и по ней пошла лёгкая вибрация.

Сначала он начал мерцать, а потом стал исчезать прямо на глазах. Оказывается, в эти минуты в нём пробудилась способность, о которой рассказывал Вигар. Широко раскрытыми глазами я смотрел на то место, где мгновение назад стоял мой, подобранный ещё малышом четвероногий друг. Дальше, краешком своего сознания, я увидел как восьмиконечная звезда лежащая за спиной чудища, оторвалась от земли и медленно поплыла в мою сторону. Ещё не до конца веря своему счастью, я внутренне ликовал. Кто бы мог подумать, последний страж, монстр, которого по определению нельзя уничтожить ничем известным в этом мире, был пройден. Причём легко и непринуждённо.

Очевидно, я сглазил, или судьба решила, напоследок, подкинуть горькую пилюлю. Страж, неожиданно почуяв неладное, начал рубить каждое свободное пространство вокруг себя. В воздухе, как будто из ниоткуда, начала литься алая кровь, и мгновение спустя, на месте кровавых пятен, начало появляться тело Пятницы, изрубленное во многих местах. Что-же за чудовищное оружие было в руках у монстра, если шкура моего питомца, напоминавшая по своей прочности добротную кольчугу, была искромсана, как лист бумаги.

Тяжёлая нога стража припечатала его позвоночник к полу, и до меня долетел предсмертный хрип. За мгновение до этого, видимо предчувствуя свою кончину, Пятница, собрав все силы, которые у него оставались, резким движением головы отбросил ключ в мою сторону. Словно механическая кукла, я поднял восьмиконечную звезду, лежащую у моих ног, и вставил в дверь. В ту же минуту последний страж рассыпался, образуя большое пятно чёрной пыли, медленно оседающей на землю, и наступила абсолютная тишина. Я, на негнущихся ногах, подошёл к моему верному другу, уже не подававшего признаков жизни. Упав на колени и обняв окровавленную голову, я издал звериный рык, полный отчаяния и горя. Да пропади ты пропадом этот ключ, этот мир и та сволочь, что его создала.

– И долго ты будешь сидеть!?

Раздавшийся голос, идущий вроде сразу отовсюду, вызвал оцепенение и полное недоумение. Ничего не понимая, я начал бешено крутить головой, пытаюсь найти говорившего.

– Я спрашиваю, долго ты ещё собираешься здесь прохлаждаться? – через некоторое время продолжил мой невидимый собеседник.

– Ты кто? И что тебе надо? – в ужасе прокричал я, продолжая озираться по сторонам.

– Я дух этого мира и мне ничего не надо! – ответило опять непонятно что.

– Так чего ты ко мне лезешь, если тебе ничего не надо?

– Я не лезу! Просто по правилам этого мира, испытуемому, победившему стража, положен приз, в виде одного любого желания! – пояснил голос.

– Ты что бог?

– Нет! Я же сказал – дух этого мира!

– И в чём разница? Раз ты тут занимаешься выполнением желаний, значит почти бог.

– Я так до сих пор не мог прийти в себя. В голове был полный сумбур, потому вопросы задавал, чисто автоматически, даже не задумываясь над их смыслом, впрочем, как и ответы воспринимал с трудом.

– Разница в том, что я дух а не бог! И занимаюсь я здесь тем, что слежу за этим миром. В мои обязанности входит возрождение попавших сюда, пополнение расходных материалов, в виде разнообразных агрессивных созданий, следить за красотой этого мира. В том числе, исполнение одного желания, тоже входит в мои обязанности!

– А при чём здесь красота? – вырвался у меня совершенно дурацкий вопрос.

– Представь два тренажёрных зала с одинаковым оборудованием. Один грязный и ободраный, другой чистый и ухоженный. Куда пойдёшь?

– Голос был совершенно равнодушный. Как будто учитель отвечал на бестолковые вопросы нерадивого ученика, который всё равно ничего не поймёт, но которого он не может просто выставить за дверь, пока не прозвонит звонок. В качестве звонка, если не ошибаюсь, была дверь окутанная серебристым сиянием.

– Ты можешь оживить Пятницу? – с мольбой в голосе спросил я через некоторое время.

– Могу! А зачем, если он всё равно умрёт?

– Как это всё равно умрёт? – недоумевал я.

– Если любое дикое создание взять в младенчестве, вырастить и потом отпустить в дикий мир – оно умрёт!

– А если отправить его со мной в Питер? – не сдавался я.

– Во-первых, это уже второе желание! А во-вторых, с чего ты взял, что отправишься в Питер? Врата отправляют туда, где родилась кровь гуарда!

– А разве ты не можешь отправить меня в мой родной город?

– Могу! Но это уже будет третье желание! Я исполняю только одно! Выбирай!

Я оказался как витязь на распутье. Направо пойдешь – одно потеряешь, налево – другое, прямо – сам погибнешь. Пожелать отправиться в Питер, так что меня там ждёт, пожизненное заключение или, в лучшем случае, вечные бега. Помочь своему единственному верному другу, так он вскоре умрёт без меня, и кроме лишних мучений это ничего ему не даст. Попасть в мир, где возможно родился мой дед, так на это желание не надо.

– А сделать так, чтобы я мог колдовать, ты можешь? – спросил я, оттягивая с принятием решения.

– Могу! Но тебе тогда придётся расстаться со всем, что ты здесь приобрёл за время скитаний!

– Хорошо! Слушай моё единственное желание! Хочу чтобы в мире, в который я попаду через эту дверь, меня сопровождал Пятница! Дух надолго задумался. Потом таким же равнодушным тоном сказал:

– Хорошо! Это действительно можно расценивать как одно желание! Ступай, я исполню то, что ты просишь!

Без сожаления, да и без особой радости, поскольку не знал, что ждёт меня в новом мире, я шагнул в серебристую дымку, навсегда покидая это страшное место, в котором я провёл гораздо больше десяти лет.

3

Когда серебристое сияние, окружавшее меня, рассеялось, передо мной предстала картина полуразрушенного древнего города, на добрые две трети, засыпанного песком. Я стоял на площадке, в отличие от уже знакомых, она была меньше раза в два, и без бортика. Рядом лежал мой верный друг Пятница, озираясь вокруг, с ничего не понимающими глазами. Физически он был полностью здоров, даже врождённые болячки исчезли, если такие были, конечно. Что не говори, а дух полигона на совесть работал. Но сильный психологический стресс мой друг явно испытывал. Вспоминая своё первое воскрешение, я мог ему только посочувствовать.

– Ты лежи пока! Очухайся! – ласково потрепал я своего четвероногого спутника: – А я пока пробежусь по окрестностям, может, чего найду или увижу!

Не спеша, внимательно осматриваясь, я стал двигаться по спирали, вокруг нашего пяточка. Пятница предпочёл очухиваться рядом со мной, и ковылял чуть сзади, стараясь не обгонять. Весь осмотр занял у нас не более получаса и ничего нового или полезного не дал. Во все стороны, от нашего места, простирался песок, без всяких намёков на присутствие здесь жизни. Воды тоже нигде не наблюдалось, и даже мой усатый приятель, с его способностью чувствовать влагу за десятки километров, обречённо крутился на месте, ожидая от меня указаний. Солнце, похожее на земное, стало уже чувствительно припекать.

– Да что за чертовщина такая! Куда нас занесло? Вроде обещали заселённый мир, а тут кроме песка и развалин ничего нет! – вслух подумал я, теребя холку своему другу, ещё не пришедшему в себя.

Эйфория быстро прошла. С каждой минутой настроение стало быстро падать, и через час, было уже ниже плинтуса. Да и организму требовалась вода и пища, коих в ближайших окрестностях не наблюдалось и в помине. Пятница преданно смотрел мне в глаза, надеясь, что я приму какое ни будь решение в нашей дальнейшей судьбе. Но какое решение я мог принять. Я даже смутно не мог себе представить, где мы находимся и куда дальше идти. Но и оставаться на месте было смерти подобно, тем более духов, воскрешающих тебя, тут, по-видимому, не было. В, конце концов, решив, что утро вечера мудренее, пристроился у развалившейся стены, хоть немного прикрывающей от палящего солнца, и решил дожидаться утра.

Ночь наступила быстро, и на небосклоне, на фоне мерцающих звёзд, появились две луны. По красоте, они может, и уступали зрелищу ночного неба в мире-полигоне, но, тем не менее, впечатляли своим великолепием. Одна – ослепительно белая, размером с нашу земную, вторая – рыжая и чуть крупнее. Сидя и любуясь, открывшимися пейзажами, подумал: «Почему такая несправедливость? Когда кругом так красиво и хорошо, то мне, обязательно, так хреново!».

Не сомкнув глаз, дождался наступления рассвета. За всю ночь, в голову так и не пришло не одной стоящей идеи, а плохонькие, типа, иди туда, не зная куда, оптимизма не внушали. Сколько мы сможем продержаться без воды, пять – шесть дней, максимум десять, с учётом выносливости наших организмов, и всё – финиш. Знать бы хотя бы направление, и можно было попытаться преодолеть эти пески, а так, бесполезная трата времени и сил. Хотя, глядя на лежавшего рядом Пятницу, в голове зародилась призрачная надежда, а не послать ли тебя дружок на дальнюю разведку. Скорость твоя нечета моей, да и выносливости в тебя побольше будет, так что, глядишь, и путное что получится. Ещё немного поразмышляв, пытаюсь найти альтернативу, пришёл к выводу, что ничего лучше уже не придумаю. И, нежно почёсывая за ушами моего четвероногого, глядя ему в глаза, начал тихонько объяснять ему суть предстоящей задачи. Не знаю, был ли он разумным, но через пару минут, радостно вильнув хвостом, встrepенулcя и начал осматриваться.

– Ищи воду Пятница, ищи! – сказал я ему напоследок, и он, последний раз оглянувшись на меня, побежал в неизвестность.

Утро сменилось полуденной жарой. Находиться на открытом воздухе стало просто нестерпимо, а развалившиеся стены уже не давали желанной тени. Складывалось ощущение, что я попал с одного полигона на другой. Где он – мир зелени, чудесных рек и озёр, рыцарей и принцесс, о котором рассказывала моя любимая бабушка, и о котором я грезил в мечтах, в подростковом возрасте. Кругом безлюдная пустыня и не только принцесс – пингвина рядом не найдешь. Почему вспомнил пингинов, сам не знаю, наверное, от жары размечтался о холодном снеге и воде. Проведя в таком состоянии ещё около часа, вдруг заметил на горизонте чёрную точку, двигавшуюся в моём направлении.

Прошло ещё не менее полутора часов, прежде чем смог различить, что маленькое пятно, не что иное, как караван, двигающийся мимо разрушенного города. Не помня себя от радости, я, насколько хватало сил, бросился ему навстречу. Не пробежав и трети пути, со стороны каравана, очевидно заметив меня, отделилась группа всадников и поскакала в мою сторону.

– Стой! Кто такой? И как здесь оказался? – спросил пышно одетый мужчина, не слезая с вороного скакуна, отбросив платок, закрывающий лицо от солнца и песчаного ветра, в одежде, напоминающей по стилю, одежду бедуинов, только немного побогаче.

Я, не понимая ни слова, что он говорит, с широкой улыбкой и радостью в глазах, произнёс первое, что пришло на ум:

– Здравствуйте! Меня зовут Андрей!

Все дружно рассмеялись. Оказывается на их языке, слово «зовуд» означает голову, а «андей» – больной. И всё, что они могли понять из моих слов, получалось – больной на голову. Да и судя по моей одежде, состоящей из грубо выделанных шкур, а пошитой ещё хуже, выглядевшей в пустыне как роба черноработого на балу у президента, добавляла впечатление этим словам. Единственное, что привлекло их внимание, был клинок за моей спиной и кинжал, висевший на поясе. Что-то спросив, но видя мою улыбающуюся и ничего не понимающую физиономию, они просто забрали их себе.

– Иди за нами! – приказали они, вдоволь насмеявшись. И я, повинувшись их жестам, поскольку ничего не понимал в их словах, последовал за ними.

Караван, по меркам этого мира, был небольшой. Около тридцати верблюдов, навьюченных тюками и водой в больших бурдюках, с сидевшими на них людьми, да около пятнадцати всадников, видимо являющихся охраной. Богато одетый мужчина, который первый заговорил со мной при встрече, похоже, был хозяином. Обращались со мной вполне цивилизованно. Сперва напоили водой, причём, не жадничая, потом дали накинуть на себя накидку из грубой ткани с капюшоном, который, как нельзя лучше, скрывал голову от палящих лучей, и усадили на одного из верблюдов, идущего в конце вереницы. На привалах, устраиваемых два раза в день, и ночёвки, проходящей не ночью, а днём, в самый солнцепёк, я старался запоминать слова, из разговоров караванщиков, и улавливать их смысл. По истечению трёх дней, мы вышли к первому колодцу, повстречавшемуся на этом пути, и устроили полноценный отдых животным и себе. Я уже понимал смысл многих слов и выражений, правда, сам ещё не говорил, поскольку язык был для меня довольно трудным в произношении. Также я понял, что караван, помимо товаров, вёз и рабов, принятых мною за погонщиков. Нет, погонщики, конечно, там были, но где то около трети от общего состава людей, сидящих на верблюдах, и отличались добротной одеждой из тонко выделанной ткани. Поначалу меня ввело в заблуждение то, что рабов вполне пристойно кормили, правда, в отдалении от остальных, и никогда не связывали. Впрочем, чего связывать, если бежать некуда. Выделялся среди них только юноша, примерно моего возраста, с чувством безысходности на лице, его на стоянках связывали по рукам и ногам, предварительно накормив. Как выяснилось, он один пытался сбежать, и один раз даже чуть не придушил охранника.

В качестве кого находился я, было непонятно. Если не считать лёгких подзатыльников, отвешиваемых мне, когда я чего-либо не понимал, свободу передвижения мне не ограничивали, и я помогал таскать еду и воду всем присутствующим, да натягивать лёгкий тент, при остановке на ночлег. Вертелся я больше среди погонщиков и охранников, так как рабы, по большей части всегда молчали, и на мои попытки их разговорить, отвечали тоскливым взглядом и полным унынием. Охранники относились ко мне вполне дружелюбно, особенно после того, как маг, находившийся при владельце каравана, сказал, что у меня полностью отсутствует магическая аура, что было редко для здешнего мира, и в купе с вечной улыбкой на лице, меня посчитали блаженным. А так как считалось, что блаженные приносят удачу, то никто и не думал отгонять меня пинками. Отдохнув целые сутки у колодца, мы тронулись в дальнейший путь. Из разговоров я понял, что идти нам осталось около трёх дней, по истечению которых мы и прибыли в город, наминавший мне Самарканд, в исторической её части.

В целом путешествие прошло спокойно, без приключений. И только мысли о моём четвероногом друге, иногда наводили на меня грусть. Где ты сейчас находишься и что делаешь, думал я. Ведь ближайшая вода была на расстоянии десятидневного перехода, и даже передвигаясь, в пять раз быстрее нас, тебе бы понадобилось четыре дня туда и обратно, при условии, что ты сразу бы её нашёл. И хоть ты и мог чувствовать меня в радиусе десяти километров, как пьяница бутылку, спрятанную в доме женой, но за четыре дня мы преодолели больше ста пятидесяти километров. И сможешь ли ты меня найти в дальнейшем, я не знал.

Пройдя немного по городу, мы вошли через ворота на довольно большую территорию, огороженную высоким глинобитным забором, с большим двухэтажным домом внутри и множеством мелких построек.

Судя по выбегающим домочадцам, плотным кольцом, окружившим хозяина каравана, это и была конечная цель нашего путешествия. Четверо детишек и две стройные девушки, бывшие ему жёнами, бойко расспрашивали его о чём то, краем глаза поглядывая на подарки, упакованные в тюки, и которые один из слуг затаскивал в дом. По традициям народа населявшего данный район, истинный мужчина должен иметь две жены, как и у солнца, которое всегда сопровождает две луны. Жёны даже красились, согласно традициям, старшая в рыжий цвет, а младшая в белый, причём случаев конфликтов между ними, не припомнят даже совсем древние старожилы. Да и дети для них были общими, независимо от того, кто их кормил грудью. Хотя правило двух жён преследовало ещё чисто бытовую цель, так как мужчины были воинами и часто гибли в конфликтах, и соотношение один к двум было оправдано, так как поддерживало численность населения на необходимом уровне.

Разгрузив верблюдов, нас проводили в довольно чистый и большой барак, в котором проживали и остальные слуги, тоже являющимися рабами. В отличие от книжных историй, здесь рабов не клеймили, а помечали трудно смываемой краской, сделанной из разновидности местного растения, которую обновляли каждые полгода. Да и кормили неплохо, хотя упитанными их назвать было нельзя, но и от голода никто не умирал. Да и в передвижении, в пределах владений, никто не ограничивал, а прослужившим более трёх лет, разрешался свободный выход в город. Так что рабовладение здесь напоминало Южные штаты Америки до начала известной войны севера и юга. Даже разрешалось заводить семьи, и хоть дети и становились рабами, но уровень их социального статуса был намного выше, чем купленных на торгах. Кстати рабов, прибывших вместе со мной, захватили дикие кочевники и Маргед, хозяин этого поместья, купил их на одном из невольничьих рынков. Так что разместили вновь прибывших, если учитывать наш статус, на пять баллов. Только юношу, о котором я говорил ранее, на всякий случай на ночь запирали в отдельной комнате, хотя и перестали сковывать руки. На сколько я смог выяснить за такое короткое время, он был младшим сыном небогатого барона. И чтобы хоть как то обеспечить его дальнейшую судьбу, отец отдал его в шестнадцать лет на воспитание в церковный орден, поскольку в армию, на командирские должности, брали уже обученных

отпрысков дворянского рода, а денег на хороших учителей и наставников просто не хватало. В ордене же, представляли различных воспитателей, включая как учителей по слову божьему, так и инструкторов по воинскому искусству, в надежде воспитать воинов борющихся с иноверцами, во благо истинной веры. И хотя карьеру при дворе такие люди не делали, но, как рассудил старый барон, с голоду не помрёт и на шею сидеть не будет. Хочу заметить, что, здесь и в дальнейшем, все титулы, звания и ранги мною адаптированы к близким по смыслу и более привычными для нас. Поскольку, что бы самому разобраться в этом, мне потребовалось больше года, и озадачивать Вас хитросплетениями существующей градации не хочу.

Незаметно прошла первая неделя нашего пребывания, в качестве рабов, у Маргеда. Сказать, что меня устраивала такая участь, было нельзя. Но и бежать, смысла, не было ни какого. Не зная языков, не местных обычаев, ни устройства самого мира и без средств к существованию, убежать было себе дороже. Потому решил присмотреться, получить хотя бы минимум знаний и в дальнейшем попробовать выторговать свободу у Маргеда, в обмен на какое ни будь полезное знание из нашего мира, тем более человеком он казался разумным и не злобным, как обычно рисуют рабовладельцев. Правда, перебрав в уме, все свои знания, понял, что кроме атомного реактора, да бесполезных тут, тригонометрических функций, ничего и не знаю.

Так что предложить мне хозяину нечего. Вообще то, я хоть и называл Маргеда хозяином, но свой статус так и не понял. Вроде делаю всё как и рабы, выполняю приказания, работаю во дворе, таскаю товары, но в отличии от других, меня не помечали краской. Но и гостем я точно не был, поскольку жил с остальными рабами.

Ну да ладно. Будем решать все вопросы постепенно и не забивать голову всем сразу. Главное выучить язык, и узнать как можно больше обо всём, что здесь твориться. Но моим планам, как уже повелось, пришлось претерпеть кардинальные изменения.

Началось с того, что в один из дней, к хозяину пожаловала делегация местных представителей веры. В халатах, расписанных под солнце, с двумя полумесяцами на кушаках, и с надменным до предела видом, на их изрядно разжиревших мордах. Судя по виду Маргеда, радости этот визит ему тоже не доставлял, но тем не менее, вёл себя с ними он со всем почтением и услужливостью. Владея небольшим пока словарным запасом, но вполне достаточным, чтобы понять суть происходящего, я принялся внимательно прислушиваться к происходящему. Суть его сводилась к банальной проверке на чистоту веры, правильно ли живущие здесь люди исполняют молебны, и как часто, не употребляют ли в неразрешённое время, пищу неугодную всевышнему и так далее. В итоге, убедившись в правильности поведения, способствующего укреплению веры, и в регулярных молитвах о всевышнем, им захотелось посмотреть, как идут дела у новых рабов, на пути становления веры в великого Магала. Как они считали, единственного истинного бога этого мира. На слова Маргеда, что рабы находятся здесь всего неделю и не смогли ещё до конца проникнуться истинной верой во всевышнего, служители веры никак не отреагировали.

Проходя мимо выстроившихся рабов и проповедуя идеи великого Магала, служители заставили всех встать на колени, и помолиться о его величии. И всё бы прошло спокойно, если бы молодой представитель ордена единого, натасканный на борьбу с иноверцами, вдруг не плюнул в лицо старшему смотрителю дел веры, и с криком о возмездии, грозящем иноверцам, не кинулся с кулаками на служителей. Ударить, кого либо, он не сумел. Служители явно обладали навыками магии, и мигом скрутили неудавшегося покушителя.

После чего начали методично над ним издеваться, то влезая в мозги, активировали болевые точки, то выворачивая не мысленным образом конечности, то выпуская магических змей, терзавших укусами плоть глупого юноши. Не знаю почему, но я вдруг вспомнил себя, мучавшегося в диких мучениях на полигоне. И видно воспоминания были такими яркими и ещё не стёртыми из моей памяти, что я словно на себе испытывал сейчас муки, предназначенные молодому барону. С диким криком «Не надо!» я кинулся в толпу и, раскидав избивавших,

прикрыл собой окровавленное, но ещё живое тело. Мгновенно перенаправив на меня действие своей злобной магии, служители, заметив полное отсутствие какого-либо эффекта от их действий, замерли в недоумении, не понимая что происходит. Вопросительно взглянув на Маргеда и получив от него ответ, что я вроде как истинный блаженный, вытащили плети на короткой рукоятке, с вплетёнными в них металлическими шипами, и, забыв о своей первой жертве, переключились на меня. Я, безусловно, мог бы их не только раскидать, но и убить голыми руками, благо время, проведённое на полигоне, не прошло для меня бесследно. Но мысли о том, какого чёрта я второй раз влезая в разборки, которые круто меняют мою жизнь, ввела меня в состояния ступора, от осознания своей дурости. И если в первый раз, когда я влез в драку в ночном клубе из-за девчонок, ещё можно найти разумное зерно, то в данном случае, кроме как полным идиотизмом, мои действия назвать было нельзя. Вступить за молодого придурка, который, мало того что сам был виноват в случившемся, так ещё он тоже был религиозным фанатиком, ничуть не лучшим чем эти. Когда я прекратил размышлять об этом, служители веры уже закончили избивание. Только тут я начал ощущать, как исполосовано моё тело. Со стороны же, я выглядел полным трупом с угасающей искоркой жизни.

– Этого ордена на рудники! А блаженного, как сдохнет, выкиньте на съедение шакалам! – тоном, не принимающим возражения, приказали блюстители веры и покинули территорию владений.

Изрядно побитого и скулящего рыцаря ордена, отнесли в барак, приспособленный под лазарет. А меня, считая уже не способным оставаться в мире живых, отволокли к хозяйственной пристройке, с намерениями по утру выполнить волю всевышнего, переданную устами религиозных служителей. Да и не могли они, глядя на мои раны, от которых живой человек не протянет и получаса, думать о чём то другом. Рваные красные полосы сплошным пятном покрывали моё тело, и крови на земле натекло столько, что и половины потерянного хватило бы отправить здорового мужика на тот свет. Всё ночь я пролежал с адскими мучениями от боли, не имея сил даже застонать. Утром, подогнав арбу, с запряжённым в неё ослом, слуги хотели вывезти меня за территорию города, но увидев текущие по моим щекам слёзы, в ужасе отшатнулись. Подошедший Маргед долго меня рассматривал, после чего приказал отнести меня в лазарет и вызвать мага. Тот с изумлённым взглядом, осмотрев и ощупав меня с ног до головы, приказал обмазать тело какой-то мазью, с неприятным запахом, после чего подошёл к хозяину и что-то ему объяснял. К всеобщему изумлению окружающих, на второй день я мог самостоятельно пить и принимать жидкую пищу. А на пятый, попытался самостоятельно сесть, и хоть попытка не удалась, эффект на окружающих был сродни разорвавшейся бомбы.

– Ты как будто из железа сделан! – сказал изумлённый Маргед.

– А я и есть железяка! – с улыбкой отозвался я, хотя боль так и не отступила.

Проведя в лазарете в общей сложности около трёх недель, я смог уже самостоятельно передвигаться. И хотя сухая корка на ранах, покрывающая почти всё тело, ещё сильно болела и доставляла серьёзные неудобства, но к мертвецам меня никто больше не причислял. Всё-таки способности к регенерации, приобретённые на полигоне, были выше всяких похвал, и я впервые, за всё время, с благодарностью подумал о нём. Неловко повернувшись, опять ощутил резкую боль, и зло сплюнув, решил, что больше никогда и не кому не позволю над собой издеваться. Хватит, натерпелся, от ментов, от полигона, от религиозных фанатиков, я лучше их придушу, чем вновь буду терпеть боль и унижение.

– Зачем ты это сделал? – спросил Маргед, присев возле меня в один из дней.

– Что сделал? – не понял я.

– Бросился на помощь тупому идиоту. Или ты тоже блюститель чужой веры?

– Нет! Вера у меня одна, и зовётся жизнь! А почему бросился – дурак, наверное! Сам не понимаю, что произошло!

– Раз ты живой, значит, так захотел всевышний! И великий Магал покровительствует тебе! Но, ты понимаешь, я не могу оставить тебя здесь, не вызвав гнев хранителей его веры!

– Ну, так отпусти с миром! – попробовал я закинуть удочку по поводу своей свободы.

– Это для меня будет ещё хуже, чем оставить тебя рядом с собой! – с сожалением ответил он.

– Так что? Убьёшь меня что ли, после того как приказал слугам ухаживать за мной?

– Нет, не убью! Но и здесь не оставлю! Придётся отправить тебя, вместе с фанатичным рыцарем, на розовые рудники. И если на то будет воля Магала, ты сможешь выжить! – сказал он, и тихо добавил: – Какое-то время, во всяком случае!

– Знаешь Маргед, выживать, в последнее время, стало моим хобби! – ответил я, вымученно улыбаясь. Не знаю почему, но мне нравился этот рассудительный и спокойный человек, хоть и был он рабовладельцем.

На розовых рудниках мы, с молодым фанатиком, которого звали Виктоор, в дальнейшем переименованного мною в Виктора, оказались через пять дней после этого разговора. Рудники назывались розовыми, благодаря добыче розовых алмазов, которые по легендам добывались тут раньше в больших количествах. А сейчас, всё что могли здесь найти, была порошкообразная субстанция, из которой вырастали эти алмазы. Но и она считалась очень ценным ингредиентом при создании магических амулетов, и стоила безумно дорого, так как добыча её была сопряжена с большим риском и затратами. Как гласит та же легенда, много веков назад, произошёл катаклизм, и часть демонического мира хлынула на планету. И только совместные усилия самых могучих и опытных магов, смогли остановить это продвижение. Правда платой за это была их жизнь, а на земле, до сих пор остались следы той битвы, в виде аномальных мест, с обитающими там тварями. Таких мест было с десяток, причём крупных только два, а остальные мелочь, на подобии розового рудника.

Располагались мы в небольшой пещере, служащей укрытием от непогоды и от ветра, единственный выход из которой, охранял отряд, состоящий из десятка хорошо вооружённых воинов. Причём, они следили не только за нами, но и охраняли выход от тварей, обитающих в катакомбах и изредка пытающихся вырваться на открытый воздух, к счастью происходило это достаточно редко. Пещера была оборудована многоярусными нарами, на подобии полок в вагонах поездов, с лежащими на них подстилками из высушенной травы и куска грубой ткани, служащей для нас одеялом, подушек естественно не прилагалось. Да и зачем они смертникам, которые протягивали здесь пол года, максимум год. На два часа в день нам разрешали выходить на солнце, обычно в обед, когда давали овощную похлёбку и лепёшку из муки грубого помола, половину от которой обычно оставляли на завтрак и ужин. Правда, с водой проблем не было, поскольку прямо у входа протекал небольшой ручей. Раз в неделю приезжал управляющий и забирал то, что удавалось добыть за это время, хотя часто он уезжал с пустыми руками, на что был очень зол и перед уходом, всыпал всем плетей, для профилактики. Если же, добыча была достойна его внимания, мог и поощрить куском мяса, в дополнении к причитающемуся обеду, но уже никто не помнил, когда такое было. Случайно или нет, но одним из главных совладельцев рудника был наш бывший хозяин, хотя в этом нет ничего удивительного, учитывая деятельную натуру Маргеда в сочетании с расчётливыми решениями, принимаемых в силу обладания им не дюжего ума и таланта. Он не только разводил верблюдов, получая от них шерсть и молоко, но и снаряжал торговые караваны, в которых сам часто принимал участие, и содержал небольшое производство по изготовлению шерстяных тканей, продаваемых им, и уже получивших известность во многих странах. Они так и назывались – ткани от Маргеда, и покупались знатно почти во всех уголках этого мира.

В пещере, помимо нас с Виктором, находилось ещё девятнадцать человек, причём только половина из них была более-менее трудоспособна. Хотя и нас нельзя было назвать здоровыми людьми. У Виктора было несколько незаживших переломов, перетянутых лубком. А у меня,

один только вид кровавой засохшей корки на теле, после чудовищных плетей, вызывал ужас у окружающих. Но на самом деле чувствовал я себя значительно лучше. Раны уже не болели, а скорее постоянно ныли, и я уже мог спокойно спать, не испытывая чудовищной боли, а только сильный зуд. Коротко перезнакомившись со всеми, мы улеглись на выделенных нам нарах, надо было отдохнуть перед завтрашним рабочим днём. Когда представлялись, я по привычке назвал себя Андрей. Опять все немного рассмеялись и пояснили, что на «й» обычно заканчиваются негативные понятия, например – больной, мёртвый, хромой, изгой и так далее. Отмечу, что такие слова как прекрасный и здоровый, звучали в этом мире по другому. Теперь я понял, почему при встрече с гвардами, меня называли Андрэ, упорно пропуская окончание. Поэтому, в камере, после смешков, представился как Железяка. Во первых – не вызывало смех, а во вторых – было уже почти родным для меня, так как к Андрэ, никак не мог привыкнуть, хотя это имя и имело древние аристократические корни. О том, что я из другого мира, я, по многим причинам, умолчал, сказав, что не помню ничего до того как оказался в пустыне в разрушенном городе. Поскольку меня считали блаженным, это легко прокатило.

Работа, после посвящения нас в детали, сводилась к следующему. Одного человека обвязывали длинной веревкой, и он бегом проходил в одно из многочисленных ответвлений внутри пещеры. Быстро отбивал куски скальной породы, и если попадались куски с розовыми вкраплениями или проходило больше десяти минут, также бегом возвращался назад. Связано это было с тем, что порода обладала излучением, влияющем на мозг человека, и после десяти-пятнадцати минут, человек попадавший под него, просто терял сознание. Для этого случая и была предназначена верёвка, его просто вытаскивали остальные участники. И так постоянно меняясь, один добывает, остальные на подстраховке, и проходил весь рабочий день. Поскольку максимум на который продвигались участники составлял около двухсот пятидесяти метров, соответственно и улов был мизерный, так как всё что можно было выбрать, уже выбрали, оставались жалкие крохи. Но и эти крохи ценились дороже золота. Более глубокое продвижение ограничивало не только время и длина веревки, но и то, что чем глубже, тем сильнее было излучение. Естественно, что при такой нагрузке, человек выдерживал, в лучшем случае год, после чего организм обессилив, просто медленно умирал. Плюс к этому, ещё одним фактором риска, являлись твари, изредка появляющиеся из недр катакомб. Схватив зазевавшегося человека, они бежали вглубь шахты, и никто ещё ни разу не возвращался. Противостоять ей, не было возможности, поскольку её шкура, от носа до кончика хвоста, была покрыта чешуйками, по прочности не уступающую хорошей броне, и не одно оружие её не брало, а держать постоянного мага не имело смысла.

Во-первых – очень дорого, и во-вторых за те мгновения, что она атаковала, он просто не успевал что либо предпринять. Человек даже не всегда успевал крикнуть, из-за того, что при укусе в кровь попадал яд, мгновенно парализующий жертву.

Работали обычно тремя бригадами по десять человек, но так как в наличии было всего двадцать два, из них четверо лежащих, то разбились по шесть человек. В нашей шестёрке, помимо меня и Виктора, были, хороший в бывшем плотник, средней руки купец, бывший воин, и странный тип, по повадкам напоминающий уголовника. Все они попали сюда разными путями. Купец и плотник за многочисленные побеги, воин за пьяную драку с жителями города, где только вина нашёл будучи рабом непонятно, а за что здесь находился тип, уголовной наружности, не знал никто.

В свой первый рабочий день, когда выпала моя очередь откалывать породу, я узнал, что излучение, так пагубно влияющее на остальных, на меня не действует абсолютно. Говорить об этом я не стал, а только намекнул, что могу находиться в штреках немного дольше остальных. Это обстоятельство все восприняли спокойно, объясняя тем, что я блаженный, да в шутку посмеялись над моей кличкой, мол, железяка, чего ей будет. Убедив свою бригаду, чтобы пройти чуть дальше, мотивируя это тем, что если я там достану больше розового

порошка, то им меньше надо будет лазить, я углубился больше чем на 300 метров. Осветив стены светом от факела, заметил, что внешне, ни какой разницы не вижу, а ковырять стены киркой было лень. Развязал верёвку и пошёл дальше вглубь. Достигнув отметки, где то около пятисот метров, мне стали попадаться на глаза, куски, сплошь покрытые мелкими розовыми вкраплениями. Быстро отколов пару штук, кинулся назад, успев как раз во время, разволновавшиеся товарищи уже начали тянуть верёвку, думая, что я отключился. Мой улов вызвал большой ажиотаж, оказывается, чтобы добыть столько розового порошка, трём бригадам требовалось больше месяца кропотливого труда. И посоветовавшись в узком коллективе, решили выдавать всё мелкими частями, уделяя больше времени отдыху, что благотворно повлияет на самочувствие моих товарищей по несчастью. Но даже первый маленький кусочек, получившийся в результате дробления найденных, вызвал прилив радости у управляющего рудником, и соответственно обернулся солидной добавкой к обеду. В течение недели я натаскал розовых полуфабрикатов столько, что хватило бы на год ничегонеделания. Потому наша бригада больше имитировала кипучую деятельность, чем работала, соответственно появилось больше времени для душевных разговоров и сбором мною, так необходимой для меня, информации. Убежать я мог в любой момент, но не делал этого как раз по причине, что ничего не знал об этом мире. В течение месяца, что я находился здесь, произошло ещё одно знаменательное событие.

Началось с того, что охранники стали, в виде исключения, отпускать меня на пару часов погулять за пределы охраняемой зоны. Справедливо полагая, что я приношу удачу, и со мной полезно иметь хорошие отношения, так как считался блаженным, чем я, без зазрения совести, и пользовался. Да и убегать, по большому счёту, мне было некуда и на данный момент незачем. Так вот, однажды прогуливаясь среди редкого, низкорослого лесочка находившегося в предгорье, я вдруг почувствовал резкий удар в грудь чем-то мягким, и, упав от неожиданности на спину, ощутил на своём лице прикосновения влажного и шершавого языка. Сначала опешив, а затем узнав, что это может быть, заорал диким от счастья голосом:

– Пятница! Дружище! Где тебя столько носило, «стелз» ты мой ходячий?!

Обняв за шею, возникшего словно из воздуха старого друга, я рыдая от радости, долго теребил ему загривок, попутно целуя его в нос. Я действительно был по-настоящему счастлив, и даже этот мир стал мне более симпатичен, и верилось, что всё у нас с ним будет хорошо. Рассказывать о своём друге, а тем более показывать его, я не собирался не кому. Не хотел лишних вопросов, на которые не знал что ответить. Задумавшись над тем, как объяснить своему питомцу, что нельзя попадаться на глаза охране и моим товарищам, решил сделать попытку подрессировать его на предмет скрытности. На удивление, это получилось довольно легко. То ли он был намного умнее и разумнее, чем я думал, то ли я был хорошим дрессировщиком, что было весьма сомнительно, но в течение получаса, на команду «Прячься», он стал моментально исчезать. Вопрос с проживанием, моего, уже довольно крупного друга, решился ещё проще. На ночь, перед сном, я давал команду «гулять», и он с большим удовольствием убегал до утра в лес, попутно решая проблемы со своим пропитанием, мелкой дичи там гуляло в изобилии.

С появлением моего старого четвероногого друга, обследование катакомб значительно увеличилось.

Причин, для моих расширенных поисков, было несколько. Это и чистое любопытство, и способ убить скуку, и самое главное, я хотел найти другой выход, который судя по колебаниям горящего факела, точно присутствовал в данной системе, да и хорошая вентиляция внутри штреков, говорила об этом. Чем дальше, тем более разветвлённая сеть из коридоров и всевозможных проходов, попадалась на пути, потому, Пятница, стал незаменимым помощником, легко находившим обратный путь. В одной из таких вылазок, мы попали в небольшую пещеру, стены которой, от света, испускаемого факелом, в некоторых местах искрились.

Подойдя поближе и внимательно рассмотрев сверкающие точки, понял, что мы наткнулись на целую россыпь розовых алмазов. Вдоволь полюбовавшись ими, я отковырял с десятков и положил в карман.

– Эй, Пятница! Ты место запомнил, сможешь потом найти? – обратился я к своему спутнику.

На что он демонстративно повернулся ко мне задом и недовольно фыркнул, мол, чего зря ерунду спрашивать. Да и действительно, природное чутьё у него было выше всяких похвал, одно только то, что он смог отыскать меня в неизвестном мире, говорило о многом.

– Ладно, не обижайся! Лучше дорогу назад показывай! Возвращаться пора! – примирительно потрепал я его по шее.

Обратно мы добрались минут за сорок, по давно отработанной схеме, Пятница чуть впереди, безошибочно угадывая направление и отпугивая тварей, обитающих здесь, я мелкой трусой позади него.

С тварями, кстати, я так ни разу и не столкнулся, только пару раз видел издали, убегающих от грозного рыка моего охранника. Правда успел заметить, что похожих на них, только крупнее, я пачками валил на полигоне.

Как и в случае с розовым порошком, находка вызвала неподдельный ажиотаж среди моих товарищей.

Вернее сказать, уже друзей. За то время, что мы провели вместе, я много узнал о них, да и об этом мире. Выучил язык их соплеменников, к которым они, исходя из внешнего вида, зачислили и меня, узнал наличие и расположение стран и народов, населяющих эту планету, их обычаи и законы. И поскольку знакомых, кроме них у меня здесь не было, а очень хотелось иметь друзей, помимо Пятницы, то я и зачислил их в таковые. И как показало будущее, не ошибся. Один из них, как я уже говорил, был купцом средней руки, звали его Валерт. В рабство попал, когда возвращался домой из приграничного района, после удачной распродажи своего товара. Умудрились нарваться на набег кочевников. Попал, кстати, вместе с Никоном, вторым моим приятелем, работающим в этом районе плотником, и возвращавшимся домой, в том же караване, после трёх месячного отсутствия, связанного с наймом на постройку новых казарм. У обоих дома оставались дети и жёны, что и послужило причиной предпринимаемых ими побегов, после которых они оказались на руднике. Следующим был воин, с именем Родерик, попавший в плен после ранения, получившего в стычке со степняками, и оставленным отступившим отрядом, посчитавшим его мёртвым. За что оказался с нами, я уже рассказывал, пьяные драки ещё никого до добра не доводили. И, самый молчаливый из нас, имел кличку Спица, и хотя и имел вид уголовника, но в жизни был добрым малым, всегда помогал, не задавая лишних вопросов. Но как здесь оказался и чем занимался раньше, так никому и не рассказывал. Пятым, в нашей компании был Виктор, но его я, пока, к числу своих друзей не относил, хотя и разговаривал с ним как с остальными. Даже когда предложил организовать побег, он входил в число получивших это предложение. На которое, кстати, все ответили отказом, мотивируя тем, что даже если перебить охрану, что само по себе абсурдно, убежать всё равно не удастся, поскольку устроят массовую облаву, с собаками и, по печальному опыту Никона с Валертом, поймают в течении часа, и на этот раз уже точно убьют. То, что мне удастся убежать, да ещё с таким помощником как Пятница, я не сомневался, но бросать, ставших уже друзьями, людей, я не хотел. Мысли о побеге меня начали посещать недели через три, после попадания на каторгу. За это время однообразная, далеко не шикарная жизнь в пещере, изрядно надоела, да и свободолюбивая душа требовала изменение статуса. Правда конкретного плана пока не было, потому всё продолжалось своим чередом.

Возвращаясь к алмазам, принесённых мною, выяснилось, что последний из них находили здесь больше тридцати лет назад. И что стоимость их была невероятно высока.

– А может подкупить ими охранников? Пусть скажут, что мы погибли в руднике, тогда и погони не будет! – предложил я ребятам.

– Нет Железяка! Не получится! Слишком приметный товар, да и охранникам своя жизнь дороже! – после недолгого раздумья ответили они.

Немного посоветовавшись, решили один, самый маленький камушек, отдать управляющему, а оставшиеся спрятать неподалёку, вместе с остальной добычей.

Отдать один алмаз стоило хотя бы ради того, чтобы увидеть лицо служаки, приехавшего в очередной раз за порошком. С глазами, величиной с блюдце, он чуть не задохнулся от волнения. Промычав, что то нечленораздельное, видимо потеряв дар речи, он бросился обратно в город, даже не удосужившись посмотреть и оценить добытый розовый порошок. На следующий день приехал сам владелец рудника, уже знакомый нам Маргед. Зайдя к нам в помещение, и распорядившись, чтобы нам выдали положенную премию, в виде дополнительного питания, кивнул в мою сторону и подозвал к себе.

– Ну, здравствуй Железяка! – сказал он, жестом приглашая отойти в сторону.

– И Вам, уважаемый Маргед, здравствуйте! Что за судьба привела столь влиятельного и успешного господина, к таким недостойным созданиям как мы? И кого мы должны благодарить, за доставленную радость лицезреть Вас? – включив дурачка, ответил я на приветствие.

– Просто поговорить! Потому перестань паясничать, тебе не идёт!

– И о чём же вы хотели поговорить, если для этого вам пришлось отправиться в эту дыру?

– Да о тебе! Я много людей повидал на своём веку, хороших и плохих, богатых и бедных, умных и дурачков, но ты для меня остаёшься загадкой. Не могу понять, то ли ты умный, то ли дурак, влезающий не в своё дело, то ли ты беспомощный, то ли способен скрутить в бараний рог любого. Но одно знаю точно, великий Магал тебе благоволит, а значит ты не враг нашей веры.

– Я действительно не враг вашей веры, хотя и не поклоняюсь великому Магалу! Я просто не люблю фанатиков, говорящих от лица богов! – проговорил я, не понимая, к чему клонит Маргед.

– Ты нравишься мне Железяка! И мне не хочется, что бы человек, приносящий удачу, а она тебе, безусловно, сопутствует, окончил свою жизнь на каторге!

– Я тоже не хочу провести свою жизнь в рабстве! И у меня есть для Вас интересное предложение. Думаю оно Вас заинтересует! – и глядя на изумление отразившееся на лице Маргеда, тут же продолжил – Я хочу купить свободу для себя и моих друзей.

– И как ты собираешься это сделать?

Вместо ответа, я вложил ему в ладонь с десяток розовых алмазов, добытых мною ранее, пообещав, что он получит столько же за каждого моего друга, отпущенного вместе со мной. Маргед надолго задумался, медленно перебирая камни, и судя по времени его молчания, вопрос был гораздо сложнее, чем мне поначалу казалось. Наконец, видимо что то, решив для себя, он произнёс:

– Извини! Я не смогу этого сделать!

– Но почему? Разве камни не окупят потерю пяти человек, тем более что они и так скоро умрут, если останутся здесь! – не понимая его решения, воскликнул я.

– Камни здесь не причём! Все попавшие сюда, были приговорены служителями веры! И пойдя им наперекор, я навсегда обреку свою семью на проклятье, а меня самого, отправят на рудники вместо вас! – и глядя на мои потухшие глаза добавил: – Всё, что я могу сделать, это облегчить жизнь твоих друзей здесь! Исчезновение одного тебя, я ещё смогу как-то объяснить, а шести человек сразу – точно не получится!

После отъезда Маргеда, я долго размышлял, как мне поступить. Остаться здесь я точно был не намерен.

Но и бросить своих друзей, отправившись в неизвестность, искать лучшей жизни, тоже не мог, хотя и понимал, что другого выхода нет, и рано или поздно, но мне придётся это сделать. И чтобы отсрочить время принятия решения, я продолжал исследовать рудники. В конечном итоге я всё-таки нашёл другой выход, и даже два. Точнее нашёл Пятница, а я только держался его. Один из выходов, более короткий, находился в пяти километрах от нашего нынешнего жилища. И выходил у реки, протекающей по другую сторону небольшого горного хребта, в недрах которого мы занимались добычей. Прикинув, что это оптимальный путь для побега, стал потихоньку к нему готовиться, жалея, что моим друзьям пройти его невозможно. Для начала запасся самыми крупными алмазами, полагая, что деньги в дальнейшем мне точно понадобятся.

Вопрос с оружием надеялся решить с Маргедом, подарив ему несколько крупных камней в обмен на мой клинок с кинжалом, считая, что он не откажет мне в такой мелочи. А если откажет, то выкраду, уж больно я с ними сроднился на полигоне, к тому же это был подарок на память.

Маргед приехал на рудники недели через две. Взяв с собой старшего сына, полагая, что приобщать к делам будущего наследника надо с раннего возраста. Приказав выдать нам новую одежду и добавить паёк, он, вместе с сыном, спустился к нам, вроде как забрать добытое за неделю, хотя больше для того, чтобы поговорить без охранников. Мальчишка, как и любой другой пацан его возраста, пытался сунуть нос везде где мог. И прикрикнув на него, чтоб не заходил в штреки, мы присели на скамью. Изложив свою просьбу по поводу своего оружия, я вопросительно взглянул ему в глаза. Маргед ответил что подумает, тем более что никаких серьёзных препятствий для этого не было. В этот момент наш разговор был прерван диким криком.

Обернувшись, мы увидели тварь, тащившую его сына вглубь катакомб. Откуда она взялась, не знал никто, за более чем двухмесячное нахождение здесь, такого никогда не было. С криком: «Пятница помоги!», я кинулся за ними. Убежать тварь далеко не успела. Максимум через сто метров я увидел её, прижатую к стене моим четвероногим созданием и мальчишку, лежащего рядом. Прекрасно зная, что надо делать, спасибо полигону, я виртуозно прыгнув на чешуйчатую спину, зажал ей нос, перекрывая дыхание, и через несколько минут на земле осталось только бездыханное тело. Вернувшись к ошарашенному от случившегося отцу, с его сыном на руках, я, передав его, присел рядом с ними.

– Не переживай ты так! Он жив и здоров! Парализован чуток, но через часик будет как огурчик, а пару царапин твой маг легко подлечит! – сказал я, успокаивая Маргеда.

От пережитого он смог только кивнуть головой и с трудом выдавить из себя спасибо.

Появился он через два дня. Не обращая ни на кого внимания, достал кувшин с вином и присел рядом со мной. Недалеко от нас лежала туша твари, вытащенная нами сегодняшним утором наружу, вокруг которой копошились охранники, пытаясь снять чешуйчатую броню, которая была довольно большой редкостью и потому высоко ценилась.

– Как ты её убил? – с удивлением в голосе спросил Маргед.

– Да так, придушил легонько!

– До тебя мало кому удавалось её убить, даже вооружённому отряду, а тут голыми руками без магии!?

– Да чего там её убивать! Безобидная зверюшка! Даже птичьего помёта боится! – ответил я, не зная, откуда с меня, попёрло хвастливое чувство, в принципе не свойственное мне.

– Какого помёта? – абсолютно ничего не понял он.

– Простого такого, который иногда на голову падает с неба! – и, видя его недоумение, добавил: – Они, почему-то, запах его не переносят. Поверь, я правду говорю!

Маргед опять надолго замолчал, очевидно, серьёзно задумавшись над чем то, известному только ему. При этом он не забывал периодически подливать нам обоим вина, обладающего

приятным терпким вкусом, и видимо стоившего весьма не дёшево. Подолгу и основательно думать, в отличие от меня, было отличительной чертой его характера, может поэтому, он и был весьма богатым и уважаемым человеком в округе.

– Я теперь твой кровный должник! – неожиданно для меня, после затянувшейся паузы, произнёс он.

– Да перестань, ничего ты мне не должен! – Я даже смутился от его признания, а он, будто не слыша меня продолжил:

– Помочь тебе теперь мой родовой долг! И если забрать тебя с рудника и переправить через границу нашего государства, для меня не составит особого труда, то, как помочь твоим друзьям я пока не знаю. Но сделаю всё возможное для этого, хотя обещать ничего не буду!

– Но ты же можешь поставить под удар свою семью?

– Зато над моим родом не будет висеть проклятье, если человек, спасший моего сына, погибнет у меня на глазах, и я не попытаюсь помочь ему!

Сказать, что я был потрясён, значит не сказать ничего. Конечно, мне нравился Маргед, но то, что честь и свой долг, он ставил выше богатства и благополучия, и чувство порядочности у него не стояло на последнем месте, было для меня откровением. Тем более что, начитавшись в детстве книг о южных рабовладельцах, я представлял их монстрами, не достойными существования. Под воздействием чувств, возникших к нему, я рассказал и о том, что нашёл выход на другую сторону, и что могу им воспользоваться в любой момент и о желании иметь к своему уходу оружие, и о том, что сдерживало меня пока только невозможность помочь своим друзьям. Он внимательно меня выслушал, а затем неожиданно спросил перед уходом:

– Слушай Железяка! А что это за бог такой – Пятница, которого ты молил о помощи, кинувшись в погоню!

У меня даже челюсть отвисла, пробормотав что-то несвязное о покровителе и охраннике одиноких путников, я с ним попрощался и ушёл к своим друзьям.

Спустя некоторое время, чтобы поднять настроение своим друзьям и возродить в них надежду на будущее, я сказал, что возможно у нас появиться влиятельный покровитель и если немного подождать, то может и удастся осуществить план нашего возвращения. Хоть и со скрипом, но всё же они немного воспрянули духом, теща себя надеждой, что я действительно приношу окружающим удачу. А Валерт сказал:

«Железяка! Если я действительно смогу увидеть свою жену и детей, то буду молиться тебе всю свою жизнь, как богу, поскольку мои боги не могут мне помочь». На что Никон, утвердительно кивнул головой, полностью с ним соглашаясь. Но, впрочем, как и обычно, в нашу жизнь вмешался случай, и дальнейшие события стали развиваться по незапланированному сценарию.

Наступившее утро не предвещало ничего не обычного. Как всегда проснувшись, я проделал утренние гигиенические процедуры, благо ручей рядом. Охранники этому не препятствовали, тем более, что после добычи первых розовых алмазов, они получили значительное поощрение, как хорошо выполнившим работу. Да и слух, о случившейся удаче, быстро распространился по окраинам, превращая их в главных героев во всех тавернах и забегаловках. Именно слухи и предопределили дальнейшие события. Как известно, где слухи и удача, всегда появляется начальство и церковь.

Вот и сейчас, прибывшая делегация, состоящая в основном из служителей веры и блюстителей её чистоты, в обязательном сопровождении владельцами рудника, основным из которых был Маргед, решила проверить, как ревностно соблюдаются каноны поклонения Великому Магалу. Памятуя события, произошедшие во дворе Маргеда с Виктором, повлекшие за собой отправку на рудники, я попросил Родерика присмотреть за ним. А его самого пригрозил задушить собственными руками, в случае повторения прошлых ошибок. Как обычно, пройдя мимо стоящих людей, и неся ахиною по поводу беззаветной любви к великому Магалу, и того, что только усиленный труд в его благо может смыть грехи наши, религиозные служители заставили

всех встать на колени, дабы воспеть хвалу великому. Подойдя к нашей группе, одному из них видимо не понравилось то, как быстро я упал на колени, и то, что не увидел в моих глазах раболепия и ужаса, который они вызывали у окружающих только одним своим взглядом. Взмахнув плетью, с намерением наказать непокорного раба, он вдруг свалился на землю, придавленный Виктором, а Родерик, вместо того что бы сдержать Виктора, встал в стойку, загородив меня своим телом от подходивших охранников. К нему присоединился и Спица. Идиоты! Ну, кто их просил влезать в это дело. Ну, полоснули бы меня разок плетью, тем более пара ударов для меня, что слону дробина. Ладно, Виктор – он фанатик, так прибили бы его, и чёрт с ним. А для чего влезли Родерик со Спицей непонятно. И что теперь прикажешь делать? Хорошо, хоть Пятница не влез, видно был умнее их, и видел, что хозяину ничего серьёзного не грозит, да и тренировал я его, чтобы без команды не вступал. Между тем, глядя на неповиновение рабов, служители Магула, отдали приказ охране убить нас, в назидание другим. И уже приготовившись дать команду «фас» своему питомцу, и подороже продать свою жизнь, я услышал громкий крик Маргеда.

– Стойте! – и уловив на себе удивлённые взгляды присутствующих, он добавил: – Смерть от меча, слишком лёгкая участь, для свершивших преступление против нашей веры! Позволят ли достойные служители Магула, казнить этих неверных так, как они того заслуживают, вероломно напав на одного из Вас?

– И как ты хочешь их убить? – спросил старший из них.

– Медленно и в страшных мучениях примут смерть они! – с пафосом и с огнём в глазах пояснил Маргед.

При этом взгляд Маргеда излучал такую злобу и ненависть, что фанатики отдыхают. Даже я испугался не на шутку, не говоря об остальных приговорённых. Как я мог так ошибаться в отношении его, неужели под маской доброго и рассудительного человека, скрывался злобный и коварный тип. А ведь я его почти полюбил, сына спас, и вот его благодарность. Нет, правы были люди, написавшие умные книжки, которые я читал на земле, там ясно говорилось, не может рабовладелец быть хорошим человеком. Маргед, между тем, продолжал говорить, с фанатизмом в глазах.

– Пусть их замуруют на веки вечные в одном из штреков! Мало того, перед этим пусть вымажут их, с ног до головы, птичьим дерьмом! Пусть дадут бурдюк с водой, что бы, если их не сожрут твари дьявольские, они смогли протянуть лишних пару дней, в страшных мучениях осознавая кару нашу праведную!

Многие рабы упали в обморок, после его речи. Даже охранники стояли бледными. По местным обычаям, вымазать человека в птичьем помёте, считалось самым страшным наказанием после смерти, хуже, чем отрубание конечностей. Поскольку, его в таком виде ставили у стен города и закидывали камнями, а все родственники, имеющиеся у него, становились по статусу ниже раба. Тех хоть кормили, а им было, под страхом смерти, запрещено даже подаяние, не говоря о какой либо помощи. И обычно весь род, за очень короткое время, вымирал полностью, включая малолетних детей. Да ещё пещеры с тварями, которыми пугали детей, дополняли жуткую картину. Даже сам факт, заживо замуровать, вызывал ужас.

– Не слишком ли ты суров, уважаемы Маргед, тем более что наш брат живой и здоровый? – поинтересовался главный блюститель веры: – Может, просто отрубим голову?

– Нет! Нельзя прощать человека, поднявшего руку, на святых братьев нашей веры! Пусть другим будет в назидание! – безапелляционно ответил он.

– Ну что ж, пусть будет так, как ты говоришь! Я не забуду, как ты заботишься о братьях наших! И ты можешь всегда рассчитывать на нашу помощь, пусть великий Магал продлит твои годы!

После того как нас, вымазав в помёте, завели в один из штреков, и рабы с дрожащими руками стали подносить камни, для закладки прохода, Маргед громко произнёс:

– А ты Железяка, раз смог сбить с истинного пути своих соплеменников, сумевших поднять руку на братьев наших святых, защищая тебя, червя недостойного, то можешь поносить их на руках перед смертью! А если в тебе проснётся совесть, то вот тебе клинок с кинжалом, чтобы прекратить их страдания, и своей рукой убить их! – и он бросил мне, так мною любимое оружие.

И уже обращаясь к служителям спросил: – Надеюсь, смерть от руки друга, является не менее суровым наказанием?

На руках. Маргед сказал на руках. Боже, какой-же я идиот. Ведь правда, если мои друзья не могут сами дойти до выхода, я могу отнести их на руках. Ай да Маргед, ай да артист, Станиславский бы аплодировал.

Всё-таки он сдержал своё слово, и сделал всё возможное для меня и моих друзей. Вот умница. За секунды нашёл единственный выход из тупиковой ситуации. Да ещё умудрился при этом заработать себе авторитет среди верующих фанатиков. Вот жучара, везде выгоду найдет, да продлит великий Магул его годы.

Друзья моего оптимизма явно не разделяли. Кончилась твоя удача Железяка, говорили они. Страшной смертью погибнем теперь. И стали открывать бурдюк с водой, что бы смыть с себя птичий помёт.

– Хоть умрём чистыми! – вздохнули они с тоской.

– Стойте! Не смывайте! Это от тварей! – успел прокричать я, и, присев, рассказал им всю подоплёку этого непростого дела.

Как я перетаскал всех к выходу, рассказывать не буду. Только отмечу, что было нелегко. Пять человек, пять километров до выхода, по десять километров туда-обратно, хорошо, что Маргед догадался воды оставить. Но к исходу второго дня, мы все сидели на берегу реки, согреваясь у потрескивающего рядом костра.

4

Первая эйфория от свободы быстро прошла. И встал уже стандартный вопрос – что делать дальше? Добраться до родины моих товарищей, о чём все мечтали с момента побега, было весьма проблематично. Одно только пересечение пустыни казалось делом полностью безнадёжным, так как затесаться в проходящий караван не было никакой возможности, по причине того, что объяснить своё появление здесь, мы не могли. Да и рабское клеймо, хоть и выполнено было краской, но сойдет не раньше, чем месяца через три. В раздумьях мы провели несколько дней, благо мелкой дичи в округе хватало, и можно было её добыть, просто удачно кинув камень, а разжечь костёр, высекая искры из кусков камней, для ребят не было большой проблемой. И хоть пища и была пресной, в связи с отсутствием соли, но сдобренная разными травами, была вполне съедобной. В один из вечеров, сидя у костра, перебрав все варианты, пришли к выводу, что надо двигаться вдоль побережья, и хотя расстояние было значительно больше, но была возможность найти воду и пищу. Сложность этого пути состояла ещё в том, что на границе государства находилась одна из аномальных зон, наводнённых тварями, и считавшейся непроходимой для людей, а обойти её не было возможности, так как крутая горная гряда тянулась вдоль всей её территории. Но двигаться домой надо было несомненно, и все решили рискнуть, понадеявшись на авось.

По течению реки дошли до моря, обойдя, попавшиеся на пути, пару мелких поселений. В них Спица умудрился своровать старый небольшой топорик, нож для травы, немного напоминающий серп, и помятый медный котелок, которому мы были, несомненно, рады, хотя и потребовали от него – больше никаких краж, без нашего ведома во всяком случае. Пятница, о котором я так не кому и не рассказал, большую часть времени носился неподалёку, подбегая ко мне только в тех случаях, когда впереди попадались люди, чем оказывал мне добрую услугу, помогая заблаговременно избегать случайных встреч. Естественно проделывал он это в скрытном режиме, которым овладел в совершенстве. Своим спутникам такое знание я объяснял своим внутренним чутьём, которое у меня действительно было, но реагировало только при непосредственном возникновении серьёзной опасности, например, ударе со спины. Так, без особых приключений, мы преодолели больше половины пути до границы империи.

В очередной раз, устраиваясь на ночлег, сидя у костра и сожалея об отсутствии хлеба, по которому успели соскучиться, ребята попросили меня показать им мой клинок, всегда висевший у меня за спиной. Отстегнув кожаные крепления, положил его на колоду у костра, пусть смотрят, не жалко. По очереди, подержав в руках, и поцокав языками, они обнаружили надпись, выгравированную на лезвии и принятую мною за затейливый орнамент. Непорядок, подумал я. Говорить умею, а писать и читать, ещё не научился.

– Ну и что там написано? – спросил я, чувствуя себя безграмотным дикарём.

Ещё раз, внимательно рассмотрев, Валерт, как самый образованный среди нас, ответил следующее:

– Это очень древний язык, сейчас на нём не говорят! А примерный смысл можно перевести так – «Взявши оружие, забудь страх и сомнения. Думай о цели, и помни о чести!».

– Кстати, как он у тебя оказался? – спросил Виктор.

– Да случайно нашёл, не помню где, поскольку до того, как меня нашли в пустыне, ничего не помню! – невпопад соврал я, не желая говорить правду, дабы избежать новых вопросов.

– Очень хороший клинок! По мне, правда чуть легковат, да и длина чуть меньше обычного. Для такого нужна виртуозная техника, одной силы маловато будет! – Присоединился к разговору Родерик: – Слушай Железяка! А покажи пару приёмчиков с ним!

– Каких приёмчиков? – слегка опешил я.

– Ну как каких! Обыкновенных! Связки, какие ни будь удары, защиту, ну то, чему тебя учили, свою школу владения! – пояснил он.

Простейшая просьба Родерика поставила меня в тупик. Я, конечно, сроднился с клинком и кинжалом, и мог покрошить в капусту любого, но никто меня не учил, и ни какую школу я не изучал. Моей школой было банальное выживание на полигоне. Всё что от меня требовалось, это максимально быстро и с минимальными затратами убить противника, и ни о какой красоте связок и приёмов я некогда не думал, да и не умел красоваться перед публикой. Я прекрасно знал, куда надо ударить, под каким углом, и с какой силой, только относительно конкретного момента сражения и в отношении определённого противника, а махать оружием в воздухе, я просто ни разу не пробовал. Глядя на моё растерянное лицо, и видимо истолковав по-своему моё замешательство, друзья решили меня успокоить:

– Не переживай! Родерик или Виктор тебя поучат в дороге. Может, и успеешь приобрести хотя бы азы владения холодным оружием!

С утра, как только взошло солнце, ко мне подошёл Родерик, с двумя деревянными палками, по внешнему виду напоминающие мечи.

– Вставай Железяка! Учиться будем, пока ребята завтрак готовят. Начинать учёбу в двадцать четыре года конечно поздно, но ты должен хоть немного научиться себя защищать. Без этого в нашем мире просто пропадёшь, тем более что магии в тебе нет абсолютно никакой!

Представив себя в поединке с Родериком, и то, что деревянные мечи не помешают мне его убить, поскольку на полигоне убивать приходилось, всем что под руку попадёт, и убийство противника было доведено до уровня рефлексов, я испугался. В голове проскользнула мысль, что я не смогу себя полностью контролировать в схватке, и могу случайно покалечить воина. Пробормотал какую-то дребедень, по поводу пацифизма, я пошёл к костру, где и присел, наблюдая, как виртуозно Спица готовит нам еду. В ответ на это, Родерик тяжело вздохнул и подошёл к Виктору с Никоном. О чём они болтали, я мог только догадываться. Хотя понять, что меня все считали никчёмным воякой, особого ума не надо, тем более за всё время пребывания здесь, я не только ни разу не дрался, а даже ни разу не проявил никакой агрессии в поведении, видимо до чёртиков устав от этого на полигоне.

Быстро перекусив, двинулись дальше. Впереди шёл Родерик, с топором за поясом, замыкал нашу колонну Спица, тоже вооружённый, с кривым ножом для травы. Меня, как самого беззащитного, по их мнению, поставили в центре, мотивируя тем, что со мной всегда ходит удача, и её надо беречь любой ценой. На вежливую просьбу отдать на время клинок Виктору, я ответил решительным отказом, чем немного озадачил моих спутников, но они тактично не стали спорить. Конечно, меня немного задевала их чрезмерная опека, и я даже хотел им всё рассказать, заодно и с Пятницей познакомить, но во время одумался. Мой четвероногий питомец, кстати, крутился в радиусе трёх-четырёх километров. Причём помимо необходимой для меня разведки, он ещё находился в отдалении по причине того, что быть в режиме невидимости, он мог не более часа. Потом ему требовалось в три раза больше времени на восстановление этой функции. И потому что бы ни мучать животное и не пугать моих товарищей, я приказал пореже приближаться к нашей компании.

Остановившись под небольшим ветвистым деревцом, чтобы переждать стоящее в зените солнце, все, кроме Спицы, разлеглись в тенёчке. Он как всегда принялся готовить для нас еду из добытой заранее мелкой дичи. Стоит отдать должное его кулинарному искусству. В полевых условиях, без необходимой посуды, из приправ имея только то, что нашлось под рукой, листья какой-то пряной травы и кустарников, он готовил вполне достойные блюда, причём делал это с большим удовольствием. На наши вопросы, где он так научился профессионально готовить, он как обычно отвечал молчанием. И до сих пор, нам так ничего и не удалось узнать о его жизни. У меня сложилось впечатление, что благодаря своей необщительности и скрытности, мы и отнесли его к уголовному миру, хотя никто не помнил, чтобы он задибался или ругался,

наоборот, всегда старался помочь. Ну да ладно с ним. Могут же быть у человека свои тайны. Я вон, вообще вру напропалую о своей прошлой жизни, а он не врёт, а просто молчит.

Отойдя от нашей компании, чтобы справить обычные человеческие потребности, я почувствовал прикосновение к рукам чей-то влажной морды.

– Ну что Пятница? Опять чужие люди в округе появились? – потрепал я его за шею, и уже громко произнёс:

– Эй, народ! У меня чувство подсказывает, что неподалёку есть кто-то чужой! Туши костёр и будьте внимательными!

– Слушай Железяка! А кто это? И сколько их? Тебе твоё чувство не говорит часом? – спросили друзья.

– Да нет, не говорит. Пока не умеет ещё! – ответил я, мысленно рассмеявшись и отправив своё «чувство» погулять.

Едва успев затушить огонь и спрятаться в близлежащем кустарнике, как из-за холма, показалась группа всадников. Осторожно выглядывая из прикрытия, мы пытались рассмотреть, кого к нам занесло в такую глушь. Самым глазастым, помимо меня, у нас оказался Виктор, выдавший нам неутешительную информацию, что приближающаяся группа является религиозным карательным отрядом, и что с ними, судя по знакам отличия на одежде, находится очень сильный маг. Может, пронесёт мимо, подумали мы все, стараясь сильнее слиться с землёй и моля своих богов о чуде. Чуда не произошло.

Видимо у них действительно был сильный маг, причём добросовестно исполнявшим свои обязанности.

Уже проезжая мимо нас, он вдруг напрягся, и начал медленно, как локатор, водить руками вдоль зарослей, служивших нам убежищем. Потом, видимо уловив человеческие ауры, что-то резко крикнул своим сопровождающим, указывая в нашем направлении. Бежать некуда. Сопrotивляться десятку хорошо вооружённых воинов бессмысленно. Сдаваться бесполезно, так как бежавших с каторги рабов, ожидает только смерть. Мысленно попрощавшись друг с другом, мои товарищи встали в круг, взяв в руки оружие, у кого оно было, и камни, в надежде подороже продать остатки своей жизни. Но видимо в планы карательного отряда не входило дать нам даже самую возможность умереть с честью. Маг, со злорадной ухмылкой, направил ладони с растопыренными пальцами в нашу сторону и произнёс заклинание. В тот же миг, огонёк жизни в глазах моих спутников потух, и они, превратившись в безвольные куклы, медленно стали вставать на колени. Воины, громко рассмеявшись, спешили с коней и двинулись в нашу сторону, в полной уверенности отсутствия какого-либо сопротивления с нашей стороны. Подойдя почти вплотную, вдруг обратили внимание на меня, стоявшего в центре среди преклонённых и безвольных товарищей, сжимающего в руках древний клинок. Удивлённо глянув на мага и обнажив оружие, стали окружать меня в кольцо, надеясь быстро покончить с возникшей проблемой. Не сомневаясь, что Пятница находится рядом, я прокричал ему «Вперёд! Ату их!», и бросился в атаку.

Одним движением полоснув по горлу ближайшего, разворачиваясь по инерции, воткнул кинжал в сердце другого и ударил пяткой третьего, ломая челюсть. Минус три, мысленно посчитал я. Мгновенно пригнувшись, уходя от удара четвёртого, сделав кувырок вперёд, клинком подрезал сухожилия рядом стоящего пятого, и, развернувшись, воткнул кинжал ему в горло. Четвёртый воин, пытавшийся перед этим нанести мне удар, на мгновение оказался ко мне спиной, и я спокойно успел вонзить свой клинок ему под лопатку. Ещё минус два. Нет, ошибся, четыре. Пятница тоже без дела не сидел. Итого семь, неплохо для нескольких мгновений, особенно для новичка в этом мире. От отряда осталось три человека. Два, ошалевших воина, не успевшие даже до конца обнажить оружие и принять стойку, и маг, стоящий в стороне. С воинами не было никаких проблем, и вскоре они упали, один с перерезанным горлом, другой с распоротыми рёбрами, несмотря на надетые на него крепкие кожаные доспехи. Вдруг

меня пронзило чувство грядущей опасности, и рефлекторно пригнувшись, заметил просвистевший над моей головой топор. Отпрыгнув в сторону и приготовившись к атаке, с трудом сдержался от убийства, увидев своих товарищей. Они, с затуманенными красной поволокой глазами, шли на меня с оружием. Родерик с топором, Спица с серпом, а остальные с поднятыми у убитых мечами. Стоящий неподалёку маг, с перекошенным от напряжения лицом, плёл свои мерзкие заклинания.

– Ах ты гадина! Чуть не заставил меня принять грех на душу! – прошипел я со злостью, и крикнул своему четвероногому питомцу, уже потерявшему свойство невидимости: – Фас! Ату его! Пятница, в два прыжка достиг цели. Маг, за мгновение до того, как стальные челюсти вцепились ему в горло, успел не один раз обделаться, увидев несущегося на него исчадие ада, и через мгновение свалился на землю с застывшими от ужаса глазами.

– Блин! Что за несправедливость такая! Все боятся моей милой зверюшки, а меня в грош не ставят! А ведь я прикончил семерых, а он только троих! – с некоторым сожалением и завистью подумал я, разглядывая обделавшегося от страха колдуна.

Мои друзья, после смерти мага, лежали на земле, и видимо ещё не до конца отойдя от ментальной атаки, с затуманенными глазами, пытались привстать, ничего не понимая, и не помня, что произошло в последние минуты. Одобрительно похлопав своего помощника в этой схватке по спине, я отправил его отдыхать в близлежащие заросли. Нечего пугать моих спутников, когда в себя придут. И что бы снять навалившееся нервное напряжение, прилёг на траву и закрыл глаза, дожидаясь пока мои товарищи окончательно очухаются.

– Железяка! Ты живой? – Раздавшийся голос вернул меня к реальности.

– Да вроде как живой! – ответил я, медленно поднимаясь.

– Что тут произошло? Никто ничего понять не может. Может, ты что помнишь? – спросили они, озираясь на валяющиеся трупы.

– Нет, не помню! – соврал я без зазрения совести, даже не краснея: – Вроде как вы собрались драться, дальше пустота! Потом открываю глаза и вижу ваши озадаченные лица с квадратными глазами. Кстати, когда вы успели здесь всех грохнуть?

Ответ получился в стиле Никулина – упал, потерял сознание, очнулся, гипс. А что мне ещё оставалось делать, не говорить же правду, в которую всё равно никто не поверит. Ещё где-то с полчаса ребята прибывали в состоянии лёгкого помешательства, иногда косясь в мою сторону, но видя мою беззаботную физиономию, лишних вопросов не задавали. Да и чего их задавать человеку, по их мнению, не умеющему держать в руках холодное оружие. В конечном итоге, посчитав случившееся провидением богов, наконец-то начали собирать и сортировать трофеи. Для нашего нынешнего положения, трофеи были просто сказочные. Помимо десятка прекрасных лошадей, в седельных сумках нашлась и еда, и посуда и тёплые одеяла, всё необходимое для длительного путешествия. У мёртвых воинов собрали оружие и срезали кошель, с находящимся там серебром, а поскольку отряд считался элитным, то и серебра там было в достатке. У мага, помимо дорогих амулетов, в которых я не разбирался, нашёлся увесистый кошель с золотыми монетами и с десятков драгоценных камней. Все очень обрадовались хлебу, обнаруженному в седельных сумках, и Спица пообещал приготовить прекрасный ужин, тем более что различных приправ было тоже в достатке. Вырыв большую яму, похоронили убитых. Бросать людские тела, пусть даже врагов, было бы кошунством. Доспехи и оружие, предварительно подобрав под себя мечи и кинжалы, закопали неподалёку, обернув их в одеяло. Зачем таскать лишнюю тяжесть, хотя Валерт и уговаривал взять всё с собой, обещая выгодно продать в первом же посёлке. Торговец – он и в бегах остаётся торговцем. Быстро загрузив оставшееся, и внимательно осмотрев всё вокруг, чтобы случайно не оставить лишних следов, поскакали лёгким галопом, в надежде до ночёвки отъехать как можно дальше.

За час до захода солнца, найдя ложбину, поросшую густым кустарником, решили остаться на ночлег и хорошо отдохнуть. Стреножив лошадей, и достав одеяла и лёгкий тент,

впервые за долгое время устроили себе полноценный отдых. Спица не подвёл, ужин превзошёл все ожидания, даже вино нашлось, правда совсем немного. И разомлев от обильной пищи и пары глотков вина, мы, улегшись у костра, предались мечтам и своим воспоминаниям. Валерт и Никон вспоминали свою семью, и мечтали обнять своих детей и жён, если конечно смогут добраться домой. Рассказывали, какие они хорошие и ласковые, и как они соскучились по женскому теплу, и шалостям ребятни. Родерик сказал, что как доберётся до родного города, то хорошенько напьётся в кабаке и зависнет на несколько дней в борделе, поскольку уже почти год не тискал женщину. О чём мечтал Спица, никто не знал, но судя по задумчивому лицу, у него тоже была своя мечта. А в чём моя мечта, подумал я. Я конечно не отказался бы от женщины, но мечтой это назвать было нельзя. Как там говорится в девизе на клинке: «забудь страх и сомнения, думай о цели и помни о чести». Так вот этой самой цели у меня и не было. Ну, доберёмся мы в родные края моих товарищей, и что дальше. Никто меня там не ждёт, ни семья, ни друзья, ни дом. Если моей целью является выживание в этом мире, так я мог это прекрасно сделать и на каторге. Попасть обратно в Питер, так это невозможно, да и что меня там ждёт, кроме неприятностей. Даже у фанатичного Виктора была своя цель в жизни, вернуться в свой орден и продолжить своё дело. И мне вдруг стало так одиноко и тоскливо, что я взял одеяло и пошёл в заросли, надеясь отыскать там Пятницу.

Он, как и я, тоже был одинок в этом мире, и его судьба была такой же не определённой, как и у меня. Друзья, заметив мой уход, притихли, но помня моё недавнее грустное состояние, посчитали лучше не вмешиваться, за что я был им премного благодарен. Утро я встретил со старым другом в обнимку, как в прошлые времена на полигоне, хотя там мы знали, что нам делать и куда идти. Немного посидев и полюбовавшись чудесным рассветом, сопровождаемым изумительным сверканием белой и рыжей луны, я в который раз подумал: «Почему, когда кругом так красиво, мне так хреново».

– Ау! Железяка! Ты где? Завтрак готов, только тебя ждём! – услышал я голос, нарушивший тишину пробуждающегося утра. Громкие крики моих взволнованных товарищей, вернули меня из мира уныния и красоты в реальную действительность. Ласково потрепав напоследок моего верного четвероногого, я двинулся к месту нашей стоянки. «Будем живы, не помрём, может, и мечту найдём!» – почему-то в рифму подумал я, стараясь разогнать своё угрюмое настроение.

Благодаря наличию транспортных средств, в виде породистых скакунов, наше продвижение значительно ускорилось. И спустя три дня мы достигли нашего последнего препятствия, аномальной зоны на границе государств, с обитающими там демоническими тварями. Стоит отметить, что хоть я и сидел на лошадях впервые, но перенёс путешествие на них вполне сносно, во всяком случае, не валился на стоянках в изнеможении и с раскоряченными ногами. Очевидно, свою роль сыграло моё натренированное тело и прекрасная гибкость с координацией, приобретёнными на полигоне. Приближаясь к границе зоны, стали искать место для длительной стоянки. Слева нас подпирала горы, с крутыми склонами, справа простиралось море, тоже отнюдь не безобидное. Впереди находилась местность, чередующая в себе колючие заросли, болотистые места, невысокий, но густой лес, и водные преграды, в виде бурного горного потока, впадающего в море. По словам Валерта, это была не самая большая зона. Но пройти её ещё никому не удавалось, даже специально экипированным отрядам с поддержкой магов. После гибели более трети воинов, они прекращали попытки её преодолеть. Единственное что им удавалось сделать, это добыть несколько тварей на окраинах, что считалось удачным походом, так как многие органы этих созданий, служили источником важных ингредиентов, для различных целебных и других снадобий. Да и шкура, вместе с когтями, благодаря невероятной прочности, тоже приносила немалый доход. Особой удачей считалось добыть крупную тварь, в её железах, в печени или в сердце, находились вещества обладающих большой магической силой. Даже камни, найденные в почках, имели определённые свойства и пользо-

вались спросом на рынке. Камни эти были внешне различными, в зависимости от существа в которых их находили, и свойства имели тоже разные. Но добывали таких тварей крайне редко, так как обычно они обитали в глубине зоны, да и убить такую крупную и злобную животинку, было весьма проблематичным делом. Помимо этого, некоторые травы и растения, произрастающие здесь и обладающие определёнными фармацевтическими свойствами, тоже были объектом хорошей продажи, но воины редко занимались их сбором, а крестьяне просто боялись заходить в эти места.

Найдя большую поляну на возвышенности, окружённую мелким лесом и кустарником, мы стали разбивать лагерь. Спица, как всегда занялся кухней, Родерик лошадьми, а мы взяли на себя палатки и заготовку дров для костра. Уже сидя вечером у огня и попивая чай, сделанный из местных растений и обладающий хорошим тонизирующим вкусом, стали продумывать наши дальнейшие действия. Тупо переть вперёд, в данной ситуации было самоубийством, и немного посоветовавшись, решили, что поутру я схожу в разведку, углубляясь не более чем на пару километров. Выбор пал на меня, как наименее восприимчивого к различным внешним воздействиям, что было доказано ещё на рудниках. Точнее этот выбор сделал я, и остальные просто не посмели мне возразить, воспринимая это как приказ. Ещё немного посидев и поговорив о пустяках, стали укладываться на ночлег. Дежурить не стали, посчитав, что место здесь безлюдное, а если появятся твари, то нас разбудят лошади, чутко реагирующие на всякие демонические создания. К тому же имея при себе козырной туз, в лице Пятницы, я вообще не переживал по поводу безопасности нашего отдыха.

Ночь прошла спокойно, без приключений. Но мои спутники выглядели удручёнными и не выспавшимися. На мой вопрос, что случилось, и почему они ходят как в воду опущенные, когда наша цель уже рядом, ответил за всех Никон.

– Обидно будет погибнуть в конце пути! Столько сил и нервов потратили, а преодолеть эту зону шансов у нас не так много. Вот потому и не спали, что родню свою вспоминали. Сможем ли увидеться – одному богу известно!

После его слов настроение у моих товарищей совсем упало, и что бы хоть как-то поднять боевой дух, я с воодушевлением, на которое был способен, громко произнёс:

– Никон, Валерт, да и все остальные! Хватит посыпать голову пеплом! С вами я, Железяка! Не вы ли говорили, что со мной ходит удача, которая уже не раз вытаскивала нас из самых трудных переделок! Посмотрите на клинок, там написано – забудь страх и сомнения, думай о цели и помни о чести! Так неужели, когда наша цель близка как никогда, вы позволите отчаянию захватить вас! Мы с вами до сих пор живы, и до сих пор двигаемся вперёд к своей мечте! Разве этого мало для хорошего настроения?! А то, что здесь ещё никто не проходил, значит только то, что мы будем первые. У нас говорят – не так страшен чёрт, как его малюют. И пусть будет трудно, зато будет что рассказать своим детям и внукам, коротая вечера в старости. Так что подумайте над этим, и к моему приходу, чтобы я не видел ваших кислых физиономий!

Не знаю, подействовали мои слова или нет, ждать я не стал, а закинув за спину клинок и повесив на пояс кинжал, пошёл в простирающиеся впереди заросли, где меня уже ожидал мой четвероногий питомец.

По скудным сведениям, рассказанным Валертом, место, которое нам необходимо было преодолеть, имело протяжённость около двадцати километров. И где то на середине пути, должна быть преграда в виде горной реки впадающей в океан, до которой я и решил дойти во время своей вылазки. Для меня это оказалось значительно проще, чем я ожидал. Во-первых, твари, обитающие здесь, по классификации полигона, на котором я собаку съел, располагались, где то в начальном уровне. И основная угроза от них исходила в виде ментальных атак, которые мне и Пятнице были до фонаря, хотя для моих друзей это являлось непреодолимым препятствием. А во-вторых, Пятница, своим диким рёвом, распугивал всю находящуюся по близости нечисть. Представьте ревушего тигра в саванне, от него даже слоны с бегемотами

шарахаются. Примерно такое же воздействие на окружающие существа производил, бегающий вокруг меня, мой четвероногий друг. В итоге мы достигли реки, ниспадающей с гор, потратив на всё менее трёх часов. Никаких схваток и поединков не было, не считая парочки мелких тварей, не успевших убраться с нашего пути и разодранных Пятницей в виде профилактики. Так что запомнилась только красота этих девственных, не тронутой человеческой рукой, мест. Идти дальше, в данную минуту, смысла не было. Помимо того что переправиться через бурлящий поток было затруднительно, так ещё и надо было срочно возвращаться, чтобы не доводить своих спутников до инфаркта. Подумают ещё, что я сгинул, и начнут глупости делать.

Уже подходя к нашей стоянке, я понял, что мои опасения по поводу моих друзей оказались верны, так как находились они на грани нервного срыва, разволновавшись моим длительным отсутствием. И, завидя мою фигуру, показавшуюся из зарослей, они дружной гурьбой кинулись мне навстречу. Как выяснилось, громогласный рёв моего подопечного, разносившейся далеко по округе, здорово напугал их, и они все пять часов не могли найти себе места, думая, что со мной приключилось несчастье. И приди я на полчаса позже, они пошли бы искать моё брненное тело.

– Железяка! Ты вернулся! Живой! – вразнобой голосили они, пытаясь взять меня в объятия.

– Да тише вы – раздавите! Тогда точно мёртвым буду!

– Ты где пропадал так долго? Мы уже думали, что тебя больше не увидим!

– Да гулял немного. Красотой здешней любовался. Вот и задержался чуток! – отшутился я.

– А как же нечисть? Да и тот рёв, который издавала одна из них, он на нас столько жути навёл! Как тебе удалось пройти сквозь них целым и невредимым?

– Да очень просто! Одна нечисть гоняла другую и на меня никто внимания не обращал! Так и прошёл до речки и обратно, даже рассказать вам нечего!

– Ну и везёт же тебе Железяка! Драться не умеешь, в магии вообще полный ноль, а ни одна тварь тебя не берёт! Нам бы чуток твоего везения, до конца жизни счастливыми ходили бы! – по доброму позавидовали они.

Сидя у костра и поедая зайчатину, как всегда изумительно приготовленную Спицей, ребята долго обсуждали мою удачу, которая помогла мне вернуться живым и здоровым. А я что, я даже не врал когда рассказывал. Подумаешь, промолчал, что нечистью, которая гоняет всю здешнюю округу, является мой верный питомец, а красотой я и правда любовался.

Начинать наш последний переход решили следующим утром. Хорошо выспавшись и плотно позавтракав, принялись снаряжать коней и грузить на них свою поклажу. Поскольку ехать верхом в лесных зарослях было проблематично, пришлось каждому брать под узды по пару лошадей. Меня, правда от этой обязанности освободили, разумно решив, что идя впереди, я почувствую ментальную атаку и смогу заранее предупредить остальных об опасности. На всякий случай Валерт покопался в барахле, собранном после стычки с попавшимся отрядом, и выдал каждому разные амулеты, вроде помогающие от этого. Плюс нацепил и все остальные, даже в которых не разобрался, мотивируя тем, что в данном случае лишнее не помешает. Да с ним никто и не спорил. Напоследок помолвившись своим богам, и пытаясь подбодрить друг друга, мы двинулись в путь. Единственное, что вызывало дикий ужас у моих спутников, был громкий рёв Пятницы, посланным мною разгонять пред нами всё, что попадётся на пути. И все мои увещания, по поводу моего чутья, которое якобы подсказывает, что эта тварь не будет на нас нападать, имело очень мало эффекта, и лица у всех так и оставались бледными как мел, хотя и ни кто из них не обделался, как недавний злобный колдун.

К горной реке мы добрались часов через пять. Весь путь проделали без приключений и практически без остановок. Небольшая задержка возникла только у мёртвой твари, задранной Пятницей, и напоминающей по своему виду, что то среднее между скусном и шакалом.

Валерт с Никоном стали быстро её разделявать. На наш вопрос, зачем это надо, они ответили, что жир этой зверюги омолаживает кожу и стоит бешеные деньги, выкладываемые местными аристократками, и грех бросать их на дороге. Понюхав то, что они напихали в глиняные горшки, меня чуть не вывернуло наизнанку. Какое счастье, что я не женщина, так как наносить такое на лицо, по моему мнению, было смерти подобно. Валерт правда пытался нас убедить, что сам король не откажется от этой процедуры, и что мы ничего не понимаем ни в косметике, ни в бизнесе. С ним опять спорить не стали, в вопросах касающихся выгоды, это было бесполезно, и легче потратить пять минут на разделку, чем десять на споры.

Внимательно осмотревшись, мы поняли, что переправиться у подножья гор не получится. И решили идти вниз по течению, в надежде найти более спокойное и мелкое место. Так мы дошли почти до океана, где в дельте, река расширилась почти в три раза, но соответственно и течение значительно уменьшилось, да и глубина была вполне приемлема для конной переправы. К сожалению, солнце уже клонилось к закату, и, найдя более менее подходящее место, приняли решение заночевать, что бы завтра с утра, последним рывком преодолеть это гиблое место. В отличие от меня, ребята провели ночь беспокойно, они так и не привыкли к рёву нашего охранника, периодически раздававшегося вокруг нас. Но рассказывать им я ничего не стал, решив сделать это позже, если будет необходимость. Проснувшись поутру, глядя на их не выспавшиеся физиономии, решил отложить на пару часов наш выход, надеясь что за это время они немного оклемаются и придут в нужную форму. Тем более, что открывавшийся отсюда вид, поражал своим великолепием и красотой. Любой этой чудной панорамой, когда солнечные лучи искрились в месте впадения реки в океан, создавая сверкающий ковёр на водной поверхности, страшно захотелось окунуться в эти тёплые воды.

Оставив своих друзей заниматься хозяйством, подошёл к берегу и, раздевшись, со всей прыти окунулся в это разноцветный водный ковёр. Глубина в месте впадения была около пятнадцати метров, вода кристально чистая и тёплая, и я как ребёнок резвился и наслаждался ласкающими впечатлениями от купания. Нырять в очередной раз и плывя мимо небольших коралловых рифов, обратил внимание на красивые раковины, по форме напоминающие устрицы, но более крупные и имеющие чудную пёструю окраску. Вытащив парочку, позвал Валерта и поинтересовался, пригодны ли они в пищу, очень уж захотелось разнообразить наше меню морскими деликатесами. Валерт, увидев выкинутые мною раковины, завизжал от восторга. Оказывается, это были морские жемчужницы, которые не только являлись изысканным деликатесом, но и сами представляли большую ценность. Из них делали различные женские безделушки, типа гребней и брошей, а самое главное, иногда внутри попадались жемчужины, обладающие уникальными лечебными свойствами, и в руках умелого лекаря творили чудеса. Деньги меня в данный момент не интересовали, а вот полакомиться захотелось. Понырвав с полчаса, я выкинул на берег пару десятков. Завтрак удался на славу. Слегка обжаренные в собственном соку и обсыпанные приправами, моллюски просто таяли во рту с неповторимым вкусом. Разница с земными устрицами была как у запорожца с мерседесом, не в пользу земли конечно.

Основательно набив свои желудки и полежав минут десять для удовольствия, стали собираться в дорогу. Валерт, как всегда заботясь о нашем благосостоянии, аккуратно почистил и уложил в седельные сумки сами раковины, радуясь что в одной из них попалась небольшая жемчужина и одновременно сетуя на меня, что так близко от берега их собирал. Мол, чуть подальше на глубине, и жемчужины чаще попадаются, да и раковины побольше будут.

– Ну что ты плачешься Валерт? Ты бедным плачешься, и став богатым, тоже плакаться будешь! Никакой разницы! – съязвил я по этому поводу.

– Нет Железяка, не скажи! Разница очень большая! Одно дело плакаться в собственном доме с сытым желудком, и совсем другое, голодным и на улице!

Найти что возразить – было нечего. И спорить на эту тему никто не стал, тем более что деньги в дальнейшем нам действительно были нужны.

Услышав рёв на другой стороне реки, опять заставивший побледнеть моих приятелей, мы начали переправу. Первым пошёл я, за мной, ведя за уду пару лошадей, двинулся Родерик, замыкал наше шествие Виктор. Уже взбираясь на противоположный берег, я вдруг услышал отчаянный крик. И обернувшись, увидел, как какая-то водная тварь, внешне похожая на моржа, только с когтями на лапах, ухватила за ногу Никона, шедшего предпоследним, и стала тянуть его в сторону океана. Виктор бросился ему на помощь, и получил сильный удар когтистом ластом. Он стал медленно оседать в воду, с распоротой грудью. Выхватив кинжал, я кинулся наперерез чудищу, намереваясь воткнуть его в глаз. Но Никон, каким-то невероятным усилием, смог освободить ногу и попытался плыть к берегу. Забыв о твари, я устремился к нему, помогая выбраться на берег.

– Железяка! Виктора уносит! – Услышал я крик Валерта, и кинулся вдогонку за уходящим телом. Вытащив, уже теряющего сознание Виктора, внимательно осмотрели ранения наших пострадавших ребят.

У Виктора была сильно распорота грудная клетка и задето лёгкое. Благо Валерт нашёл в седельных сумках кое-какие препараты, останавливающие кровь и обеззараживающие раны. Но, даже истратив почти весь запас, состояние у Виктора было критическим. У Никона дела тоже были не намного лучше. Тварь умудрилась почти полностью перекусить левую ногу ниже колена. Был вырван значительный кусок плоти и сломана кость. Обработав рану и наложив тугую жёсткую шину из крепких веток, обмотали тканью, предварительно нарезав полосы из лёгкого тента.

– Нужен хороший лекарь! Без него нам Виктора не вытянуть! Да и у Никона с ногой не всё так просто! – сказал Родерик, повывавший на своём веку, будучи воином, множество различных ран.

– И где мы возьмём тебе здесь лекаря? – раздражённо прокричал я, вина себя за случившееся несчастье. Ну что мне стоило внимательно осмотреть реку перед переходом. Так нет, я понадеялся на Пятницу, думал с ним море по колено. А ведь он не водяная свинка, и в реке сражаться не умеет, хоть и плавает неплохо. И всё это я мог и должен был предусмотреть, и тогда бы мы не имели двух тяжело раненных, да ещё и без квалифицированной медицинской помощи.

– Хорошего лекаря только в городе найти можно. А сейчас нам надо найти хотя бы деревню, с местным знахарем. Он, конечно, не вылечит, но возможно поможет нам довести их живыми. – Продолжал Виктор, не обращая никакого внимания на моё раздражение.

– Я здесь вроде кое-какие травы видел! Попробую сделать отвар тонизирующий, чтоб боль немного снять, и чтоб уснуть смогли, пока мы с ними до жилья доберёмся. – Вдруг произнёс до этого всегда молчавший Спица.

Немного удивившись красноречию нашего товарища, мы начали разводить костёр и ставить котелок с водой, что бы по его возвращению под рукой был кипяток. Вода закипела минут через пятнадцать, а ещё через пять вернулся Спица. Жестом, указав нам отойти, чтоб не мешали, и принялся колдовать над кипящей водой. Ещё через полчаса, мы, напоив пострадавших и закрепив импровизированные носилки на лошадях, осторожно двинулись в дальнейший путь.

Солнце уже начало клониться к закату, когда прекратился рёв, сопровождающего нас Пятницы, и мы вышли на открытое пространство. Что бы определиться в направлении, решили временно разделиться. Я остался с ранеными, а Спица, Родерик и Валерт поскакали в разных направлениях, в надежде обнаружить хоть какое-то присутствие людей. На наше счастье, Родерик, двигавшийся вдоль побережья, обнаружил неподалёку небольшую рыбацкую деревеньку. Мы поспешили к ней, надеясь успеть до наступления ночи.

Въехав в сумерках на единственную улицу, Валерт громко прокричал:

– Эй! Народ! Есть кто живой? Выходи, помощь нужна!

Прошло несколько минут. И уже собираясь начать барабанить во все двери, во двор начали выходить люди. Выяснив, кто здесь старший, обратились с просьбой:

– Подскажи милейший! Нет ли у вас в деревне знахаря толкового? Раненые у нас есть тяжёлые!

– Знахаря у нас нет! А вот на отшибе недалеко лекарь живёт! Хороший лекарь!

– Да откуда тут хороший лекарь? Тут же ничего не заработаешь! С вас же кроме рыбы и взять нечего!

– Так он едой и берёт! Причём только тогда, когда она нужна, а так и бесплатно лечит.

– Он у вас, типа сумасшедшего старика давно выжившего из ума, что ли?

– Почему старика? Девица она. Только вроде изгоя, так как родила от эльфа, вот и забралась в такую глушь. Юли её кличут! Вы тока не шибко её обижайте, потому, как зла она никому не делала, да и живёт тихо, людям не мешает.

– Не переживай старик! Зла некому не сделаем! А если поможет, то и её отблагодарим, да и вашу деревню не обидим! Ты показывай, куда двигать надо! – ответил я за всех. К небольшой хижине, указанной жителями, мы подошли уже затемно. Спешились, и начали снимать с лошадей носилки с ранеными. Валерт в это время вежливо постучался в дверь.

– Хозяюшка! Открывай! Помощь твоя нужна! Не обессудь за поздний визит, отблагодарим как следует!

Дверь открыла молодая, довольно симпатичная женщина. Приятным, но слегка уставшим голосом, поздоровалась. Подошла к лежащим во дворе Никону с Виктором, и бегло осмотрев их, приказала срочно занести их в дом. Аккуратно положив обоих на лавки и помогая Юли раздеть их, мы обратились к ней с вопросом о состоянии наших друзей и поинтересовались, сможет ли она им помочь.

– Который с раненой ногой, жить будет точно, но удастся ли спасти ему ногу, я гарантировать не смогу. Слишком много

времени прошло, трудно будет срастить кости и ткани. А вот у того, с распоротой грудью, дела намного хуже. Боюсь всё, что я могу сделать, это облегчить ему страдания. Лёгкое повреждено и крови потеряно много, чудо что вы его сюда довели.

– Слушай лекарька, а это случаем не поможет тебе в лечении? – сказал Валерт и выложил перед ней добытую нами жемчужину.

– Возможно поможет! Только маг нужен хороший, чтобы её активировать! Да вы не переживайте, я смогу, хотя давно и не держала в руках таких вещей!

Взяв в ладони жемчужину, она, закрыв глаза и склонившись над Виктором, начала шептать заклинание. По мере звучания непонятных фраз, жемчужина покрывалась лёгкой белёсой дымкой, которая медленно перетекала из ладоней целительницы на тело лежащего друга, обволакивая его рану и проникая вглубь лёгкого. Закончив читать заклинание, Юли внимательно всмотрелась в произошедшие с раной изменения.

Лёгкие капли пота покрывали её лицо, и руки слегка подрагивали от напряжения. Подняв на нас глаза, она с грустью произнесла:

– Сожалею господи! Энергия жемчужины кончилась, а рана так и не затянулась. Я даже не уверена, смогла ли бы помочь, если была бы не одна, а несколько таких.

– Так возьми и попробуй! Может получится? – в отчаянии проговорил я.

– Вы шутите господин? Где я могу взять их?

– Как где? Здесь же все рыбаки. В море этих раковин навалом. Ты возьми, а мы сколько надо заплатим.

В наш разговор встрял Валерт, желая разъяснить мне ситуацию, и защитить удивлённую Юли.

– Железяка! В этих местах нет морских жемчужниц. Они могут обитать только в кристально чистой воде, которая к тому же должна быть не такая солёная. Горная река в зоне, как раз уменьшила количество прибрежной соли, и способствовала размножению этих редких моллюсков. Но туда ни у кого доступа нет.

– У меня есть этот доступ! – заявил я, закидывая за спину клинок и цепляя кинжал.

– Ты что ополоумел? Ночь на дворе! Какая к чёрту зона! А морская тварь, изуродовавшая наших ребят, ты о ней забыл? – накинулись на меня мои спутники.

Но я уже их не слушал. У меня не было никого ближе них в этом мире. И я считал себя виновным в случившейся трагедии. И если была хоть призрачная возможность помочь Никону с Виктором, я должен был её использовать. Бросив напоследок, слегка ошалевшей от нашего разговора лекарке, что бы до утра присмотрела за ними, выскочил за дверь.

Хоть на дворе и стояла глубокая ночь, но яркое сияние двух лун давало достаточно освещения. Во всяком случае, его хватало для того, чтобы лошадь не переломала ноги на пути к аномалии. Не доезжая пары сотен метров до зарослей, я привязал её к одинокому дереву и снял седельные сумки. Всё-таки ехать верхом через заросли было бы полной глупостью, а тащить её на привязи, большой потерей времени. Свистом подозвав Пятницу, нацепил седельные сумки на него. К моему удивлению, эти сумки, по размеру, оказались не такими уж и большими для моего найдёныша. «Да растём помаленьку» – подумал я, и быстрым шагом направился вглубь зарослей, к реке. Под отпугивающий рёв ручного хищника, и слегка ободрив кожу о колючки, я довольно быстро достиг берега реки в месте её впадения в море. Открывшийся передо мной пейзаж, просто поражал воображение. От сияния двух лун, по водной ряби бежали две переплетающиеся дорожки, одна белая, другая рыжеватая, создавая неповторимый причудливый узор. Залюбовавшись зрелищем и мечтая обосноваться в таком месте, что бы каждое утро приносило радостное впечатление от реликтовой природы окружающей всё вокруг, чуть не забыл о цели своей ночной поездки. Хватит нежиться, пора и делом заняться, – промелькнуло у меня в голове, и я вернулся к действительности. Наскоро раздевшись и нырнув, понял, что даже для моего уникального зрения, приобретённого за десятилетия пребывания на полигоне, на глубине больше пятнадцати метров, все предметы приобретали расплывчатые чёрно-белые очертания. Но немного подумав, решил всё же продолжить поиски, наполовину ориентируясь на ощупь. Вспомнив разговор Валерта, что на глубине жемчужины должны попадаться гораздо чаще, отплыл немного подальше. Первые же попытки принесли удачу, и я вынырнул, держа в руках четыре раковины, больше просто не влезало, поскольку они действительно были довольно крупными. Подплыв к берегу и положив их около сумок, решил что, плавая назад вперёд, теряю много времени. Осмотревшись, и не придумав ничего лучше, я связал узлом брючины у штанов и привязав их ремнём к поясу, опять устремился в море. На этот раз дело пошло лучше. Набив за полчаса свои штаны под завязку, повернул к берегу, и с трудом вытащив их, начал с помощью кинжала их раскрывать. Дело оказалось намного сложнее, чем я думал. И как это с ними так легко управлялся Спица, не понимаю. Видно опыт нужен в любом деле, даже в открывании раковин. Потратив кучу времени, и распотрошив около пяти штук, нашёл только одну жемчужину, правда довольно крупную. Плонув на всё, решил набрать побольше раковин, и пусть ребята сами их курочат, тем более что блюда из них, на скоро приготовленные Спицей, до сих пор вызывали приятные воспоминания. Вернувшись со второй порцией штанов и забив добычей седельные сумки почти до отказа, толи от жадности, толи, просто решив перестраховаться, вдруг найденных в них жемчужин будет недостаточно, снова полез в воду. Понырив ещё полчаса и уже почти набрав третьи штаны, вдруг резко почувствовал приближающуюся опасность. Начав озираться вокруг, но из-за стоявшей темноты, так ничего рассмотреть и не смог. Чувство опасности не отпускало, наоборот, только усиливалось. Прекратив собирать морские жемчужницы, начал осторожно подниматься с глубины. Резкий тупой удар выбил последний остававшийся воздух из лёгких и только после

этого сумел увидеть напавшее на меня морское чудище. Это была именно та тварь, которая покалечила моих товарищей, весом около полутора тонн, напоминающая моржа, только со звериным оскалом и с когтями на лапах. Привязанные к пояснице штаны, набитые раковинами, сильно затрудняли любые мои действия, и, не успев их сбросить, получил второй удар. На этот раз всё было намного хуже первого столкновения. Моржовый клык вспорол мне бок в районе печени, и, ощутив сильную боль, увидел, как вода вокруг меня начала окрашиваться в алый цвет. От нехватки кислорода, да и от начинающейся потери крови, в глазах потемнело, и моё тело стала покидать сила. Ну нет, так просто ты меня не возьмёшь – подумал я со злостью, выдёргивая из-за пояса кинжал. Следующее нападение я скорее почувствовал, чем увидел. Успев до столкновения нанести удар, метя в глаз, единственной уязвимой точки этого создания, но из-за плохой видимости, промахнулся. Лезвие царапнуло кожу возле уха, не принося ощутимого вреда моему противнику, который в этот раз полоснул меня ластом по спине, оставляя глубокие кровавые раны. Солёная вода вызывала дикую боль, попадая на свежие порезы и на разодранный бок, лёгкие начали разрываться от недостатка воздуха, и я понял, что следующая атака может оказаться для меня последней в этой жизни. Собрав все остатки сил в кулак, забирая последние резервы своего организма, всё-таки смог увернуться от четвёртого удара и ухватиться одной рукой за здоровенный выступающий клык чудовищного моржа, другой стал неистово молотить кинжалом по голове твари, в надежде попасть в глаза. Как оказался на берегу не помню абсолютно, скорее всего, на грани безумия. Способность думать начала возвращаться ко мне постепенно, очевидно кислородное голодание отрицательно повлияло на работу головного мозга. Пролежав на берегу какое-то время, пока кровь не разогнала кислород по всему телу, начал осматриваться и попытался ощутить своё состояние. Тело, от морской воды, жгло невероятно и отказывалось подчиняться. Вокруг меня на песке образовалась бурое пятно от моей крови. В ушах звенело, и только иногда, сквозь хаотичное гудение, различалось, как жалобно поскуливает Пятница. Вспомнив причину моего появления здесь и события последних минут, я попытался встать. Резкая боль в боку не позволила мне это сделать, всё что удалось достичь, путём невероятных усилий, это встать на четвереньки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.